В. Гладкій.

УЧЕНІЕ

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

О ПАСТЫРСКОМЪ СЛУЖЕНІИ.

по

БЕСѢДАМЪ ЕГО И ПИСЬМАМЪ.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПАТРОЛОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА ЖУРНАЛА ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ ЗА 1898 ГОДЪ.

Напечатанъ на средства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатать дозволяется. 2 января 1898 г. Ректоръ Академіи Епископъ Антоній.

Полезно какъ пастырямъ, такъ и кандидатамъ священства знать—что передумали, перечувствовали и что касательно пастырскаго служенія высказали въ своихъ твореніяхъ лучшіе пастыри церкви всѣхъ мѣстъ и временъ,—св. отцы и учители церкви. Мысли св. отцевъ и учителей церкви касательно пастырскаго служенія насколько драгоцѣнны для знакомства съ постановкой пастырскаго служенія и практики въ древней церкви, настолько же и полезны въ видахъ современнаго устроенія и упорядоченія этого служенія. Для кандидатовъ пастырскаго служенія эти мысли представляютъ обильный матеріалъ наставленій, назиданій, совѣтовъ, а для проходящихъ уже это служеніе,—обильный матеріалъ указаній и правилъ къ достиженію цѣли пастырскаго служенія и для безошибочной дѣятельности въ разныхъ отношеніяхъ пастырской жизни.

Въ виду важности знакомства съ пастырскими воззрѣніями св. отцевъ и учителей церкви ясно, какое значеніе имѣетъ задача нашей работы,—изложить взгляды на пастырство и пастыря „великаго учителя, величайшаго свѣтила міра“, ревностнѣйшаго пастыря, св. Іоанна Златоуста (346 - 407 г.). Задача эта получаетъ тѣмъ большее значеніе, что въ пастырскихъ воззрѣніяхъ св. Іоанна Златоуста нашелъ себѣ выраженіе взглядъ лучшихъ людей его времени,—взглядъ, основанный на глубокомъ знаніи Священнаго Писанія, слова котораго такъ часто повторяются въ бесѣдахъ Св. Златоуста, и на глубокомъ пониманіи задачъ и цѣлей служенія пастыря. Поэтому-то пастырь Златоуста остался на всѣ времена идеаломъ пастыря, и его отдѣльныя характерныя черты повторяются всѣми писавшими о пастырѣ; и, кажется, ни одна книга по этому предмету не могла и не можетъ обойтись безъ выписокъ и цитатъ изъ твореній этого великаго отца Церкви. Словомъ,—взглядъ Златоуста на пастырство сдѣлался взглядомъ всей христіанской церкви и во всѣ времена ея существованія.

Разсужденія Св. Іоанна Златоустаго о пастырствѣ—отличаются лирическимъ характеромъ, почему они менѣе всего подходятъ подъ типъ холоднаго, сухого и спокойнаго изслѣдованія объ обязанностяхъ священника. Горячая убѣжденность, которая звучитъ въ каждомъ словѣ его разсужденія по данному вопросу, обаятельная увлекательность изложенія, живость образовъ и картинъ,—эти отличительныя черты его разсужденій показываютъ, что все содержаніе ихъ пережито, перечувствовано вдохновеннымъ авторомъ, съ болѣзнями выношено въ душѣ его и затѣмъ вылилось на бумагѣ. Этимъ и объясняется то глубоко-неотразимое впечатлѣніе, которое производятъ въ душѣ читателя бесѣды и письма Св. Іоанна Златоуста.

Въ предлагаемомъ сочиненіи бесѣды и письма Св. Іоанна Златоуста приводятся по русскому переводу — по слѣдующимъ изданіямъ:

Бесѣды на книгу Бытія		I—III	Спб.	1852 г.
Бесѣды на Ев. Матѳ.		I—III	Спб.	1852 г.
—	Ев. Іоан.	I—II	Спб.	1854 г.
—	Дѣянія Апост.	I—II	Спб.	1856 г.
Посланія ап.	Павла къ Римл.		М.	1839 г.
	I Кор.	I—II	Спб.	1859 г.
	II Кор.		М.	1843 г.
	Галатамъ.		М.	1842 г.
	Ефесс.		Спб.	1859 г.
	Колос.		Спб.	1859 г.
	I Солун.		Спб.	1859 г.
	II Солун.		Спб.	1859 г.
	1 Тимоѳ.		Спб.	1859 г.
	2 Тим.		Спб.	1859 г.
	Титу.		Спб.	1859 г.
	Евреямъ		Спб.	1859 г.
Слова и бесѣды на разные случаи. .		I—II	Спб.	1864 г.
Слова и бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія.		I—II	Спб.	1861 г.
Слова и бесѣды къ Антіохійскому народу		I—III	Спб.	1848—9 г.
Письма къ разнымъ лицамъ.			Спб.	1866 г.
Слова о священствѣ.			Спб.	1895 г.

I.

Величіе, трудность и отвѣтственность пастырскаго служенія.

Служеніе пастыря, по мысли Златоуста, такъ высоко, что онъ не находитъ возможнымъ ставить его въ параллель съ чѣмъ нибудь, происходящимъ на землѣ, и относитъ его къ учрежденіямъ небеснаго порядка. „Священство, говоритъ онъ, хотя совершается на землѣ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учрежденій“ [1].—И по своему предмету и назначенію, и по власти священство „превосходитъ всѣ другія человѣческія достоинства“ [2]) Въ то время какъ человѣческія учрежденія, во главѣ съ царской властью, заботятся „о земномъ“,—объ упорядоченіи внѣшнихъ формъ и порядковъ общественной жизни,—священство „житейскимъ занимается не много“, главнымъ же образомъ оно заботится „о небесномъ“ [3]). „Власть царская распоряжается дѣлами земными, ей поручены тѣла, власть же духовная достигаетъ неба, ей поручены души людей,—тѣхъ людей,—за которыхъ пролита драгоцѣнная кровь, заплачена дорогая цѣна искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя“ [4]).

Священники въ своей дѣятельности являются непосредственными продолжателями дѣла Іисуса Христа, Его служенія на спасеніе рода человѣческаго [5]). Какъ Божественный Пастыреначальникъ

---

1) О свящ. 416.
2) Ibid.; ср. Бес. 2 Кор. 341.
3) Бес. на 2 Кор. 338. 341.
4) Бес. на р. м. Св. Писанія II, 79—80. ср. Бес. р. случаи II, 346.
5) Бес. на 2 Кор. 259—262; Бес. на посл. Рим. 18.

чальникъ однажды навсегда совершилъ спасеніе всего рода человѣческаго, такъ его преемники—пастыри имѣютъ задачей,—приводить ко спасенію души отдѣльныхъ людей, ввѣренныхъ ихъ попеченію.

Назначеніе пастыря—служить „солію земли, свѣтомъ міру, градомъ вверху горы стоящимъ“.

Какъ соль предохраняетъ отъ порчи предметы, употребляемые нами въ пищу, такъ и пастырь призывается предохранять міръ отъ порчи нравственной, отъ тлѣнія духовнаго,—отъ невѣрія, лжевѣрія, суевѣрія, разнаго рода пороковъ и соблазновъ. Соль дѣлаетъ пищу здоровою и пріятною на вкусъ, подобно сему и пастырь самымъ своимъ званіемъ призывается къ тому, чтобы способствовать нравственному оздоровленію міра, развивать въ людяхъ вкусъ духовный къ вещамъ Божественнымъ, дѣлать людей пріятными Богу [1]).

Пастырь „свѣтъ міру“. Свѣтъ разсѣеваетъ тьму, дѣлаетъ предметы видимыми, показываетъ тотъ или другой ихъ образъ, ихъ красоту или безобразіе; и христіанскій пастырь долженъ разсѣевать облегающую міръ тьму религіознаго невѣдѣнія и пороковъ, просвѣщать умственно и нравственно слѣпыхъ, представлять вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, освѣщать внутреній міръ каждаго человѣка.....

Свѣтъ, затѣмъ, есть стихія согрѣвающая и оживляющая такъ и пастырь имѣетъ своимъ назначеніемъ согрѣвать души любовію и, проводя идеи истины, правды и добра въ міръ людей, оживотворять этотъ міръ, воскрешать его отъ смерти духовной въ животъ вѣчный [2]).

Пастырь—„градъ вверху горы стоящій“. Какъ городъ, стоящій на верху горы, привлекаетъ къ себѣ утомленныхъ путниковъ, манитъ ихъ обѣщаніемъ отдыха и покоя, такъ и на пастыря церкви обращены взоры путниковъ жизни, къ нему простираются руки ищущихъ утѣшенія отъ скорбей и печалей дольнаго міра, и пастырь долженъ идти на встрѣчу всѣмъ требующимъ духовнаго успокоенія, его долгъ „слабаго поддержать, больного исцѣлить, раненому раны перевязать, заблуждающаго обратить и погибшаго взыскать“ [3]).

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Писанія II 391—392.
[2]) Ibid 392, Бес. на 2 Кор. 337.
[3]) Іезек. 34 глава, Сл. и бес. на раз. случаи II, 506.

Такое высокое, чрезвычайное призваніе пастыря—быть нравственнымъ руководителемъ пасомыхъ или, говоря словами св. І. Златоуста; „образовывать людей въ высшемъ и для высшаго" [1]),—выдѣляетъ его служеніе изъ ряда прочихъ. По своему назначенію служеніе пастыря выше служенія царскаго. „Не управленіе народами и городами, говоритъ св. І. Златоустъ, преподаемъ мы (пастыри), но другую власть важнѣйшую самаго царствованія, или, лучше, не мы преподаемъ, но благодать Духа. Какая-же это власть, важнѣйшая самаго царствованія, которую получаютъ приходящіе сюда? Здѣсь они научаются господствовать надъ порочною страстью, удерживать гнѣвъ, подавлять зависть, порабощать тщеславіе. Не столько важенъ царь, сидящій на царскомъ престолѣ, сколько человѣкъ, возведшій въ самомъ себѣ здравый разумъ на престолъ власти надъ рабскими страстями" [2]).

Христіанское священство выше священства ветхозавѣтнаго. „Іудейскіе священники имѣли власть исцѣлять проказу тѣла, или лучше, не исцѣлять, а только свидѣтельствовать исцѣлившихся; новозавѣтные же священники призваны не свидѣтельствовать минувшую проказу тѣла, но совершенно отгонять нечистоту души [3])".

Отцы духовные выше даже самихъ близкихъ къ намъ людей—отцевъ по плоти. Послѣдніе „рождаютъ насъ отъ кровей, и хотѣнія плоти, а первые виновники для насъ рожденія отъ Бога, блаженнаго „паки бытія", истинной свободы и благодатнаго усыновленія" [4]). Поэтому и „различіе между тѣми и другими такое, какое между настоящею и будущею жизнію" [5]).

Соотвѣтственно исключительности своего служенія на землѣ пастырь имѣетъ исключительное также и полномочіе. Духовное (благодатное) возрожденіе и пріобщеніе Христу чрезъ вкушеніе Его плоти и крови, необходимыя для вѣчной жизни (Іоан. 3, 5, 6, 54), отпущеніе грѣховъ и вообще всѣ таинства,—„все это совершается только руками священника" [6]).

---

[1]) Бес. на 2 Кор. 341.
[2]) Бес. на р. мѣста Св. Писанія II, 398.
[3]) О священствѣ 418.
[4]) Ibid 418.
[5]) Ibid 419.
[6]) Ibid 418.

Священники „еще живутъ и обращаются на землѣ, а поставлены распоряжаться небеснымъ и получили власть, которой не далъ Богъ ни ангеламъ, ни архангеламъ. Ибо имъ сказано: „елика, аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси; и елика, аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесѣхъ“ (Матѳ. 18, 18)[1]).

„Что можетъ сравниться съ такою честью, спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ. Какая власть можетъ быть болѣе этой? Небо получаетъ начало суда съ земли. Судія сидитъ на землѣ, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ, и что послѣдній присуждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всѣмъ родомъ человѣческимъ разгнѣваннаго Бога и насъ, разгнѣвавшихъ Его, избавляя отъ рукъ Его“ [2]).

Чрезвычайность пастырскаго призванія, — руководить пасомыхъ къ духовному совершенству [3]),—дѣлаетъ служеніе пастыря необыкновенно труднымъ. „Во всемъ у насъ съ вами (пасомыми), говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, равныя преимущества и главнѣйшія изъ благъ у насъ съ вами одни и тѣже. Всѣ имѣемъ одно и тоже крещеніе; всѣ сподобились одного и того же духа; въ одно и тоже мы съ вами стремимся царство. Въ чемъ же состоитъ мое преимущество предъ вами. Въ заботахъ и трудахъ и безпокойствахъ объ васъ“ [4]).

Великъ трудъ воспитателя юношества, обязаннаго слѣдить за развитіемъ питомцевъ, ввѣренныхъ его руководству, и направлять ихъ на добрый путь, указываемый имъ ихъ благомъ. Но пастырское воспитаніе гораздо труднѣе обыкновеннаго. „Нѣтъ, говорить Златоустъ, нѣтъ труда, который бы былъ подобенъ труду священника“ [5])—какъ духовнаго (воспитателя) руководителя.

Его попеченія требуютъ, его пастырской любви поручаются разнобразные характеры, и между ними большинство людей зрѣлыхъ, привыкшихъ къ самостоятельности и уже давно утеряв-

---

[1]) Ibid 417—418; ср. Бес. на р. случаи II, 346—347.

[2]) Бес. на р. мѣста Св. Писанія I, 245. 254.

[3]) Бес. на посл. Еф. 197.

[4]) Бес. на 2 Солун. 65.

[5]) Бес. на I Тим. 220.

шихъ ту гибкость душевную, при которой обыкновенный воспитатель, усердный къ своему дѣлу, легко можетъ направить своихъ питомцевъ, куда ему угодно [1]).

Обыкновенные воспитатели, имѣя дѣло съ дѣтьми, имѣютъ право дѣйствовать на нихъ принужденіемъ и въ случаѣ нужды подвергать ихъ взысканіямъ и наказаніямъ. А пастырь церкви, воспитывая народъ для царствія Божія, лишенъ возможности дѣйствовать на пасомыхъ принудительными мѣрами: ему доступны только нравственныя мѣры увѣщанія и убѣжденія [2]). Онъ имѣетъ дѣло съ людьми свободными [3]) и не можетъ посягать на свободу тѣхъ, которыхъ долженъ привести ко Христу чистыми и непорочными. „Намъ не дано, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, такой власти законами, чтобы принужденіемъ удерживать грѣшниковъ отъ согрѣшеній; да, если бы и дана была такая власть, нельзя было бы употребить ее, когда Богъ увѣнчиваетъ отстающихъ отъ грѣха не по принужденію, а по свободному произволенію“ [4]).

Обыкновенный воспитатель ставитъ своей задачей содѣйствовать развитію естественныхъ силъ и склонностей человѣка. А пастырь церкви при руководствѣ пасомыхъ, по указанію божественнаго ученія, исходною точкою своей дѣятельности воспитательной долженъ ставить то представленіе, что природа человѣческая, въ настоящемъ ея состояніи, — природа поврежденная, зараженная грѣхомъ. Поэтому долгъ пастыря не просто воспитывать людей, а исправлять ихъ, не наблюдать за ихъ жизнію и ихъ развитіемъ а, такъ сказать, пересоздавать ихъ, умерщвлять въ нихъ плотскаго, грѣховнаго человѣка, вызывать или внѣдрять въ нихъ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины. Отсюда новая трудность воспитательнаго дѣйствія пастыря, неизмѣримо превышающая работы обыкновеннаго педагога. Пастырское руководство, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ „есть искуство высшее всѣхъ искуствъ“ [5]).

Въ силу поврежденнаго состоянія природы человѣческой, которую исправлять призывается пастырь церкви, онъ является на

---

[1]) Бес. на посл. Титу 13—14.
[2]) О свящ. 408.
[3]) Бес. на посл. Титу 13.
[4]) О свящ. 408.
[5]) Бес. на 2 Кор. 338.

своемъ посту, по отношенію къ пасомымъ, не только воспитателемъ, но и врачемъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, говоря о пастырскомъ служеніи, съ особенною силою выставляетъ на видъ то, что пастырь церкви обязанъ лѣчить духовныя болѣзни своихъ пасомыхъ [1]).

Указывая на этотъ долгъ пастыря, онъ сравниваетъ лѣченіе духовныхъ болѣзней съ лѣченіемъ болѣзней тѣлесныхъ и находитъ, что первое несравненно труднѣе второго. Особенная трудность врачеванія душевныхъ болѣзней зависитъ отъ многихъ причинъ. Первая причина та, что душа, требующая врачеванія, сокровенна отъ насъ и не доступна глазу. Тѣло—предметъ прямо подпадающій нашему глазу, и болѣзни, и поврежденія его болѣе или менѣе явны: онѣ обнаруживаются признаками для всѣхъ болѣе или менѣе ощутительными и видимыми. „А духовныхъ болѣзней, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ, человѣку видѣть нельзя; „никто бо вѣсть отъ человѣковъ сущая въ человѣцѣ, точію духъ человѣка, живущій въ немъ"; и стороннему человѣку чрезвычайно трудно разузнать, чѣмъ и какъ болѣетъ та или другая душа. Какъ же врачевать ту болѣзнь, о свойствѣ которой нельзя получить яснаго представленія? Какъ употреблять то или другое врачевство, когда не знаешь, какою болѣзнью кто страдаетъ [2])".

Страдающіе тѣлесными болѣзнями обыкновенно сами приглашаютъ врачей и ищутъ у нихъ врачеванія и подчиняются всѣмъ распоряженіямъ и совѣтамъ ихъ. А по отношенію къ душевнымъ или грѣховнымъ болѣзнямъ дѣло состоитъ совершенно иначе, и положеніе врача затруднительнѣе. Сами болящіе грѣхомъ часто не сознаютъ важности своей болѣзни, а, если и сознаютъ, боятся и стыдятся открывать ее другимъ и не думаютъ искать врачеванія. Духовный врачъ долженъ самъ искать больныхъ, которымъ потребна его помощь; самъ долженъ предлагать имъ лѣченіе, въ которомъ они нуждаются, и которое могло бы возстановить ихъ разслабленныя силы. -Но и тогда, когда духовный врачъ узналъ болѣзнь пасомаго и явился къ нему съ потребнымъ врачевствомъ, не кончается его затруднительное положеніе. Больные грѣхомъ не подчиняются покорно его совѣтамъ и часто

---

[1]) О свящ. 407.

[2]) О свящ. 407—8.

не только отказываются принять лѣкарства, имъ предлагаемаго но довольно грубо и оскорбительно отклоняютъ руку, приносящую имъ врачеваніе [1]).

Новую трудность создаетъ духовному врачу разнообразіе грѣховныхъ болѣзней и неимѣніе подъ руками опредѣленныхъ лѣкарствъ противъ той или другой болѣзни. Противъ тѣлесныхъ болѣзней медицина указываетъ испытанныя средства, и обыкновенному врачу стоитъ въ каждомъ данномъ случаѣ пользоваться этими испытанными средствами, примѣняясь къ открывающимся передъ нимъ обстоятельствамъ, среди которыхъ находится больной. По отношенію же къ врачеванію грѣховныхъ болѣзней души, нѣтъ такихъ вѣрныхъ испытанныхъ средствъ,—и духовному врачу приходится самому каждый разъ пріискивать лѣкарства, могущія благотворно подѣйствовать на болѣющаго грѣхомъ. Соразмѣрить здѣсь врачеванія съ положеніемъ и настроеніемъ согрѣшающихъ, умѣть употребить ихъ примѣнительно къ личности и обстоятельствамъ труднѣе, чѣмъ въ дѣлѣ врачеванія тѣлеснаго,—труднѣе потому, что слишкомъ разнообразны нравы, страсти и душевныя расположенія людей; болѣе разнообразны, чѣмъ строенія и темпераменты тѣлеснаго организма и, кромѣ того, все попеченіе здѣсь направлено къ потаенному сердца человѣку, (1 Петра III, 4), не видному для наблюдающаго глаза, но вмѣстѣ съ тѣмъ капризному и прихотливому [2]).

Еще болѣе осложняется трудность пастырскаго служенія противодѣйствіемъ пастырю и его дѣлу со стороны общаго врага человѣческаго рода, не видимаго, но злобнаго, который, по слову апостола „яко левъ рыкая ходитъ, искій, кого поглотити (1 Петр. V, 8) [3]). И этотъ врагъ не одинъ, съ нимъ безчисленное воинство духовъ злобы поднебесныхъ (Еф. VI, 12), и всѣ они ведутъ ожесточенную брань противъ Церкви Христовой [4]). Они сѣютъ плевелы зла на нивѣ Божіей, вносятъ заразу въ стадо, ввѣренное пастырю, силою и хитростію отторгаютъ отъ него овецъ и влекутъ ихъ въ бездну погибели. Тѣмъ опаснѣе ихъ напа-

---

[1]) Бес. на посл. Евреямъ 475.
[2]) О свящ. 408—9, Бес. на пос. Титу 13—14.
[3]) Бес. на Өес. 60.
[4]) Ibid 61. О свящ. 472—3.

денія и козни, тѣмъ болѣе нужно имѣть осторожности и бдительности противъ нихъ, что эти нападенія и козни невидимы —враги совершенно незамѣтно подкрадываются къ стаду. Не видя врага предъ собою, пастырь можетъ предаваться безпечности, не безпокоясь о цѣлости стада: между тѣмъ въ это самое время, сверхъ всякаго чаянія, у него расхищаютъ и разгоняютъ овецъ [1]). Но этотъ невидимый врагъ имѣетъ слугъ и не въ однихъ духахъ злобы поднебесныхъ. Онъ находитъ и изготовляетъ орудія для своихъ хищническихъ нападеній и въ людяхъ, совращенныхъ имъ съ пути спасенія, и ихъ заставляетъ служить своей цѣли. Чтобы отражать всѣ нападенія враговъ и сохранить чистымъ и невредимымъ словесное стадо, какой внимательности, мужества и подвиговъ требуется отъ пастыря церкви [2]). Если же произошло увлеченіе, и есть уклонившіеся „съ пути правой вѣры“, то опять сколькихъ усилій и трудовъ стоитъ пастырю—найти заблуждающагося и убѣдить его возвратиться въ лоно православной церкви [3]). „Дѣло пастыря церкви, по представленію Іоанна Златоуста, не то, что дѣло пастуха овчаго: этому, если бы уклонились нѣкоторыя овцы съ прямого пути, нужно только громко крикнуть, и отставшія отъ стада опять возвратятся къ стаду. А если человѣкъ заблудитъ отъ правой вѣры, то великій трудъ и большая забота предлежитъ пастырю церкви: ибо нельзя заблуждающагося привлечь насиліемъ или принудить страхомъ; только увѣщаніемъ приводить его къ той истинѣ, отъ которой онъ отпалъ. Мужественной нужно быть душѣ, чтобы не ослабѣвать и не отчаяваться въ спасеніи заблуждающихся“ [4]).

Извѣстная евангельская истина говоритъ: „ему-же дано будетъ много, много и взыщется отъ него“ (Лук. XII, 48). И чѣмъ выше тѣ таланты, которыми одаряетъ Господь человѣка, чѣмъ выше власть, которая сопряжена съ саномъ и положеніемъ его, тѣмъ больше, тѣмъ тяжелѣе отвѣтственность того, кому они вручены. Съ этой точки зрѣнія высочайшее изъ достоинствъ человѣка—

---

[1]) О свящ. 473—474.
[2]) Ibid 407—413.
[3]) О священств. 409.
[4]) Idid. 409—10.

священническое наиболѣе отвѣтственное. Пастырь дастъ отвѣтъ предъ Богомъ, по всей строгости, соотвѣтствующей исключительно высокому положенію пастыря на землѣ и дарованнымъ ему полномочіямъ для спасенія душъ человѣческихъ, съ одной стороны, и достоинству этихъ послѣднихъ, съ другой стороны. Душа человѣка слишкомъ дорога для Господа; для ея спасенія Онъ не пощадилъ собственной крови Своей, и, вотъ, чтобы она не утеряла пріобрѣтеннаго для нея спасенія и снова не впала въ погибель, Господь ввѣряетъ ее попеченію пастыря [1]). Послѣдній долженъ заботиться о душахъ всѣхъ своихъ пасомыхъ, „яко слово воздати хотяще“ (Евр. XIII, 17) за нихъ на страшномъ судѣ. Кровь одного погибшаго „взыщется отъ руки нерадиваго пастыря“.

Въ томъ случаѣ, когда грѣхи паствы происходятъ не отъ одного только небреженія пастыря о спасеніи ея, но и отъ соблазна, производимаго его собственнымъ поведеніемъ, отвѣтственность пастыря будетъ еще „горше“ и тяжелѣе. „Если соблазняющему только единаго, уне есть, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй“; и если всѣ уязвляющіе совѣсть братьевъ, согрѣшаютъ противъ самого Христа (Матѳ. XVIII, 6; Коринѳ. VIII, 12), то какое должны потерпѣть наказаніе тѣ, которые погубили не одного изъ малыхъ, не двухъ, не трехъ, но такое множество“ [2]).

Дѣлая постоянныя обращенія къ самому себѣ по поводу тѣхъ или другихъ общихъ разсужденій, св. Іоаннъ Златоустъ и въ настоящемъ случаѣ обращается къ себѣ самому и дѣлаетъ слѣдующее глубокопоучительное замѣчаніе. „Вѣрю, что при настоящемъ моемъ состояніи (т. е. состояніи мірянина) я, понесу такое наказаніе, какого требуетъ тяжесть грѣховъ моихъ, но по принятіи власти (священнической или епископской) не двойное и не тройное, но многократное долженъ потерпѣть наказаніе за то, что многихъ привелъ въ соблазнъ и, удостоившись большей чести, оскорбилъ Бога, который почтилъ меня..... Желая показать, что грѣхи священниковъ навлекаютъ гораздо большее наказаніе, нежели грѣхи простолюдиновъ, Богъ повелѣваетъ приносить за священника такую жертву, какая должна быть приносима за весь народъ“ (Лев. IV гл.) [3]).

[1]) Бес. на 2 Кор. 262; Бес. на р. м. Писанія III, 126.
[2]) О священств. 459—460; ср. Бес. на Дѣян. II, 252.
[3]) О священств. 468—469.

Что Богъ священника наказываетъ строже, нежели его пасомыхъ,— „этого требуетъ самая справедливость,—потому что вредъ не ограничивается только душами начальниковъ, но онъ вмѣстѣ губитъ души слабѣйшихъ, смотрящихъ на него“ [1]). Поэтому,—какъ ни трудно исполненіе обязанностей священника, но небреженіе въ исполненіи ихъ не найдетъ себѣ ни малѣйшаго оправданія на судѣ Божественнаго Пастыреначальника. Здѣсь (на этомъ судѣ) нельзя извиняться неопытностію, оправдываться незнаніемъ, защищаться необходимостью и принужденіемъ. Потому что поставляемый исправлять невѣжество людей и предварять о наступающей войнѣ отъ діавола — не можетъ оправдываться незнаніемъ и не можетъ говорить: „я не слышалъ трубы, не предвидѣлъ войны“. Онъ, какъ говоритъ Іезекіиль, для того и поставленъ, чтобы трубить и предупреждать другихъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ. И такъ, неминуемо постигнетъ его наказаніе, хотя бы погибъ и одинъ человѣкъ. „Аще стражъ увидитъ мечъ грядущъ и не вострубитъ людямъ, и не проповѣсть, и нашедъ мечъ возьметъ душу: та убо беззаконія ради своего взяся, а крове ея отъ руки стражи взыщу. (Іезек. 23, 6)“ [2]).

Въ бесѣдѣ на Дѣянія Апостольскія св. І. Златоустъ еще сильнѣе выражается о великой отвѣтственности, лежащей на пастырѣ Церкви. „Не полагаю, говоритъ онъ, чтобы между священниками было много спасающихся; напротивъ—гораздо больше погибающихъ, и, именно, потому, что это дѣло требуетъ великой души.... И тогда, когда другіе грѣшатъ,—вина падаетъ на него. Не говоря ни о чемъ другомъ, скажу только, что, если и одинъ кто отойдетъ (отъ этой жизни) безъ посвященія въ таинствѣ (или безъ напутствованія таинствами),—не ниспровергнетъ-ли это всего его спасенія? Извѣстно, что и погибель одной души составляетъ такую потерю, которой не можетъ выразить никакое слово. Если спасеніе ея имѣетъ такую цѣну, что и Сынъ Божій сдѣлался для этого человѣкомъ и столько претерпѣлъ,—то подумай, какое наказаніе повлечетъ за собой ея погибель. Если тотъ, черезъ кого погибнетъ другой, достоинъ въ настоящей жизни смерти, то тѣмъ болѣе—тамъ.... Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну,

---

[1]) Ibid — 469.

[2]) О священств. 469.

противопоставь отчетъ, какой тамъ нужно дать...., противопоставь степень наказанія"!

Итакъ, пастырскому служенію и самому лицу пастыря св. І. Златоустъ приписываетъ такія черты и свойства, благодаря которымъ то и другое—и пастырство и лицо пастыря—совершенно выдѣляются по своему назначенію изъ всѣхъ мірскихъ служеній и дѣятелей. Пастырство—это не служба и не должность, но всецѣлое посвященіе себя Христу и человѣчеству въ смыслѣ Евангельскомъ, служеніе, имѣющее цѣлію обновленіе, спасеніе грѣшника. Съ другой стороны, и пастырь не есть должностное лицо въ общепринятомъ значеніи этого слова. Облеченный Божественною властью для прохожденія своего превысочайшаго служенія, онъ, по взгляду св. І. Златоуста, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ служителей міра. Словомъ, пастырь, по Златоусту, является небеснымъ посланникомъ на землѣ [1]),—хотя и плотскимъ,—уполномоченнымъ отъ Самаго Бога посредникомъ между Нимъ и грѣшнымъ человѣкомъ и при томъ посредникомъ, всецѣло отвѣтственнымъ предъ Богомъ въ принятомъ на себя многотрудномъ служеніи.

Если служеніе пастыря такъ высоко, трудно и отвѣтственно, то чѣмъ, по мысли Златоуста, обусловливается успѣхъ пастырскаго дѣланія?

---

[1]) Бес. на 2 Тимоѳ. 26.

II.

Основанія успѣшности пастырскаго дѣланія--пастырское настроеніе и пастырское образованіе.

Въ дѣлѣ обычнаго человѣческаго воспитанія дѣйствительный успѣхъ несомнѣнно обусловливается, главнымъ образомъ, нравственнымъ характеромъ воспитывающаго.—Такъ и, еще болѣе, въ дѣлѣ пастырскаго руководства успѣхъ духовнаго рожденія опредѣляется, прежде всего, тѣмъ богатствомъ духовной жизни, тѣмъ внутреннимъ настроеніемъ, съ которымъ приступаетъ пастырь къ своей дѣятельности. Въ чемъ-же св. І. Златоустъ полагаетъ сущность того идеальнаго пастырскаго настроенія, которымъ опредѣляется успѣхъ пастырскаго дѣланія, и къ созиданію и поддержанію котораго долженъ стремиться каждый пастырь.

Пастырь прежде всего долженъ любить своихъ пасомыхъ горячею материнскою любовію. Любящая мать живетъ жизнію своихъ дѣтей, радуется ихъ радостями и печалится ихъ скорбями, „она, говоря словами І. Златоуста, скорбитъ, когда, имѣя груднаго младенца, не можетъ доставить ему обильныхъ источниковъ молока, но хотя она имѣетъ его мало, однако даетъ грудь и младенецъ тянетъ и сосетъ ее и, согрѣвая устами охладѣвшіе сосцы, старается извлечь себѣ пищи болѣе, нежели есть въ нихъ. Мать чувствуетъ боль отъ терзанія сосцевъ, но не отталкиваетъ младенца, потому что она мать и готова лучше перенести все, нежели огорчить дитя свое. Если-же матери, замѣчаетъ св. І. Златоустъ, имѣютъ такую любовь къ своимъ дѣтямъ, то тѣмъ болѣе намъ (пастырямъ) нужно имѣть такія чувствованія къ вашей любви“ [1]).

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Писанія І, 207.

Но настроеніе материнское скорѣе только приближается къ идеальному пастырскому настроенію, но еще не опредѣляетъ всей сущности этого возвышеннаго настроенія. „Отношенія духовнаго рожденія пламеннѣе естественныхъ“ [1]. — Высочайшій образецъ истинно-пастырскаго настроенія св. І. Златоустъ указываетъ въ душѣ апостола Павла. „Душа его, говоритъ Златоустъ, обнимала цѣлую вселенную и всѣхъ заключала въ себѣ, родство по Богѣ почитая выше всякаго другого родства. Павелъ всѣхъ любилъ такъ, какъ бы самъ родилъ ихъ, или, лучше сказать, всякаго отца превосходилъ нѣжностью любви....... А что ап. Павелъ превосходилъ своею любовью плотскихъ родителей, выслушай слова: „кто изнемогаетъ и азъ не изнемогаю“ (2 Кор. 11, 29)? Впрочемъ здѣсь представляется намъ равенство любви, хотя плотскіе отцы едвали могутъ произносить такія слова; тогда выслушай: „молилбыхся, говоритъ онъ, самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти (Рим. 9, 3)“. Какой отецъ пожелалъ-бы ради дѣтей быть въ несчастіи? И опять: „разрѣшитися и со Христомъ быть много паче лучше, а еже пребывати во плоти нужнѣйшее есть васъ ради (Фил. 1, 23—24)“. Какая мать рѣшилась-бы сказать это? Таково милосердіе и состраданіе въ душахъ святыхъ [2]. „Таковъ (по своему настроенію), замѣчаетъ св. І. Златоустъ, долженъ быть пастырь“ [3]. Въ другомъ мѣстѣ, приводя слова ап. Павла: „сего ради утѣшихомся братіе о васъ во всякой скорби и нуждѣ нашей вашею вѣрою. Яко мы нынѣ живы есмы,— аще вы стоите о Господѣ“ (І Ѳессал. 3, 7—8), св. І. Златоустъ говоритъ: „что можетъ сравниться съ Павломъ, который спасеніе ближнихъ считалъ за свое собственное, имѣя такое же отношеніе ко всѣмъ, какое тѣло къ членамъ. Кто могъ бы говорить такимъ языкомъ, тѣмъ болѣе помыслить это? „Мы нынѣ живы есмы“— этимъ показываетъ, что и искупленіемъ, и смертью считаетъ для себя не иное что, какъ ихъ преткновеніе, между тѣмъ жизнію (считаетъ для себя) ихъ преспѣяніе. Какимъ образомъ кто либо иной высказалъ-бы такъ и печаль о немощи учениковъ и радость? Таковы, заключаетъ І. Златоустъ, должны быть расположенія (пастырей) наставниковъ, и тогда не будетъ ничего неумѣстнаго“ [4].

---

[1]) Ibid. [2]) Бес. на посл. къ Колос. 11; Бес. на р. сл. І, 169. [3]) О свящ. 420. [4]) Бес. на І Ѳес. 65—68.

Подобно апостолу и пастырь долженъ переживать въ своей душѣ радость и скорбь о нравственномъ состояніи своихъ пасомыхъ; и его любовь должна простираться на всѣхъ членовъ ввѣреннаго ему стада Христова, не разбирая добрыхъ отъ злыхъ [1]). „Священникъ, (говоритъ І. Златоустъ), есть общій отецъ вселенной, поэтому ему прилично заботиться о всѣхъ, какъ печется о всѣхъ Богъ, на службу Которому онъ посвятилъ себя“ [2]). Въ томъ по истинѣ и обнаруживается любовь по Богу, что она стремится обнять собою всѣхъ. Если-же ты одного любишь, а другого нѣтъ, то твоя любовь человѣческая“ [3]). — Духъ всеобъемлющей любви, переживаніе въ себѣ нравственной жизни пасомыхъ, готовность жертвовать для ихъ блага даже жизнію и составляетъ сущность идеальнаго пастырскаго настроенія.

Такое возвышенное настроеніе, къ которому долженъ стремиться пастырь, есть особенный благодатный даръ. „Духовную любовь, говоритъ Іоаннъ Златоустъ, не раждаетъ нѣчто земное, она нисходитъ свыше, съ неба [4]) и сообщается въ таинствѣ священства“. „Но усвоеніе и поддержаніе въ себѣ благодатнаго дара зависитъ и отъ стремленій человѣческаго духа“.

Какъ материнская любовь, предваряемая муками рожденія, въ нихъ получаетъ свой источникъ, такъ и благодатная любовь въ душѣ пастыря является послѣ мучительнаго отреченія отъ жизни для цѣлей мірскихъ и самоотверженнаго посвященія себя Богу. Это самоотреченіе, которое св. Іоаннъ Златоустъ называетъ „первой добродѣтелью“ [5]), есть проявленіе самостоятельности человѣческаго духа; оно-то и служитъ необходимымъ условіемъ усвоенія благодатнаго дара духовной любви. Поэтому приступающій къ пастырскому служенію долженъ, прежде всего, отречься отъ мірскихъ удовольствій и эгоистическихъ стремленій; если-же кто принимаетъ священство безъ такого расположенія, тотъ, по словамъ Іоанна Златоуста, губитъ и себя и другихъ [6]). Самъ св. Іоаннъ Златоустъ уклонился отъ принятія священства въ то время, когда, по собственному его признанію, былъ еще связанъ „юношескими мечтами, мірскими стремленіями, и не чуждъ былъ чувства гнѣвли-

---

[1]) Бес. на Ев. Іоанна I, 151—152; Бес. на р. мѣс. Св. Писанія II, 79.
[2]) Бес. на 1 Тим. 82. [3]) Бес. на 1 Ѳес. 71. [4]) Бес. на пос. Рим. 8. [5]) Бес. на пос. къ Евреямъ 369. [6]) Бес. на р. м. Св. Писанія II, 604.

вости"; и только тогда рѣшился принять высокое служеніе, когда освободился „отъ житейской бури" [1]).

Приступающій къ пастырскому служенію, отрекшись, во имя дѣла Христова, отъ жизни для цѣлей мірскихъ, въ таинствѣ священства получаетъ особенный благодатный даръ. Достойно воспринявшій этотъ небесный даръ внутренно перерождается; для него открываются высшіе интересы, новый смыслъ жизни—благо вручаемой ему паствы; въ жизни этой паствы для него источникъ и высшихъ радостей и постоянныхъ скорбей. Самъ св. Іоаннъ Златоустъ, испытавшій на себѣ это духовное перерожденіе, не находитъ словъ для выраженія тѣхъ чувствъ любви и привязанности къ своимъ пасомымъ, которыми полна была его облагодатствованная душа. „Я люблю васъ, говоритъ Златоустъ своимъ пасомымъ: вы для меня все—и отецъ, и братья, и чада, вы для меня жизнь, вы мнѣ похвала.—Если вы успѣваете, я прославляюсь, такъ что моя жизнь и богатство находится въ вашей сокровищницѣ [2]).... Повѣрьте, я забываю о собственномъ спасеніи, заботясь о вашемъ, и не имѣю времени оплакивать свои грѣхи. Такъ вы для меня все. Когда вижу, что вы преуспѣваете въ добродѣтели, то не чувствую собственныхъ бѣдъ отъ радости; а когда вижу, что вы не преуспѣваете, то отъ скорби опять занимаюсь своимъ, такъ я радуюсь вашему благу, хотя-бы самъ терпѣлъ множество бѣдъ, и скорблю о вашихъ недостаткахъ, хотя-бы самъ имѣлъ множество совершенствъ.... Дай Богъ, говоритъ съ апостольскою ревностью св. Іоаннъ Златоустъ, что-бы вы спаслись, хотя бы мнѣ пришлось дать отвѣтъ за васъ, чтобы вы спаслись, хотя-бы я былъ осужденъ, какъ не исполнившій своихъ обязанностей. Ибо я не о томъ забочусь, чтобы вы спаслись чрезъ меня, но чтобы только спаслись чрезъ кого-бы то нибыло" [3]).

Благодатный даръ сострадательной любви, получаемый въ таинствѣ священства, и долженъ „возгрѣвать въ себѣ" пастырь церкви, такъ какъ этою любовію и обусловливается успѣхъ духовнаго рожденія [4]). Св. Іоаннъ Златоустъ глубоко вѣритъ въ силу и значеніе такой любви въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на человѣка. „Ничто, говоритъ онъ, не можетъ такъ привлекать къ себѣ, какъ

---

[1]) *О свящ. 410.* [2]) *Бес. на Дѣян. I, 71; Сл. и бес. на раз. случаи II, 519.* [3]) Бес. на Дѣянія II, 257. [4]) О свящ. 412; Бес. на 2 Кор. 337; Бес. на раз. м. Св. Писанія I, 4.

любовь [1]). Какъ огонь, попадая на сухія деревья, обращаетъ ихъ въ одно горящее тѣло, а надъ влажными не оказываетъ никакого дѣйствія, такъ холодность душевная не способствуетъ къ соединенію: но теплота душевная большею частію привлекаетъ къ себѣ [2]). Соедини себя узами любви со своимъ братомъ: все легко для людей, связанныхъ между собою узами любви. Привяжи себя къ нему и его къ себѣ,—тогда ты будешь господиномъ не надъ собою только, но и надъ другимъ. Можно сдѣлать другомъ всякаго, кого захочешь [3]). Любовь, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ св. Іоаннъ Златоустъ, есть великая наставница, въ ней достанетъ силы изъ камня сдѣлать человѣка [4]).

Возвышенное настроеніе, конечно, необходимо для пастыря [5]), но одного его недостаточно для успѣха пастырства, точно также, какъ матери недостаточно одной любви къ своему ребенку, хотя-бы и самой глубокой, для того, чтобы дать ему надлежащее воспитаніе. Силою своей любви пастырь можетъ расположить къ себѣ своихъ пасомыхъ; но раскрыть имъ идеалъ истинно христіанской жизни, указать пути и средства къ наилучшему достиженію этого идеала, это онъ можетъ сдѣлать только при помощи собственнаго образованія.—Образованіе пастыря, по мысли св. Іоанна Златоуста, служитъ другимъ важнымъ основаніемъ успѣшности пастырскаго дѣланія [6]). Просвѣщеніе собственной души должно быть центромъ, къ которому направлялись бы всѣ силы пастыря съ тѣмъ, чтобы, получивъ здѣсь жизненность, онѣ могли съ тѣмъ большею энергіею стремиться на дѣло просвѣщенія другихъ [7]). Главнымъ средствомъ въ дѣлѣ образованія пастыря является изученіе наукъ богословскихъ и, прежде всего, изученіе св. писанія, какъ основы всѣхъ прочихъ богословскихъ наукъ.

Знаніе св. писанія необходимо для пастыря какъ потому, что на немъ основывается собственное его развитіе, такъ и для того, чтобы съ успѣхомъ исполнять свою высокую обязанность—вкоренять въ пасомыхъ чистыя религіозно-нравственныя понятія и убѣжденія,—усвоить которыя пастырь можетъ только на основаніи тща-

[1]) Бес. на 1 Кор. II, 222; ср. Бес. Кол. 179, 155. [2]) Бес. на пос. Еф. 170 [3]) Ibid 169. [4]) Бес. на 1 Кор. II, 222—223. [5]) Бес. на 1 Тим. 83; Бес. на 2 Кор. 337; ср. Бес. на посл. Титу 13—14. [6]) О свящ. 412, Бес. на пос. Титу 25; Бес. на 1 Тим. 132. [7]) Бес. на 1 Тимоѳ, 74; ср. Бес. на пос. Кол. 147.

тельнаго изученія Слова Божія [1]). „Не ожидай, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, другого учителя; есть у тебя Слово Божіе; никто не научитъ тебя такъ, какъ оно [2]). Въ св. писаніи излагается все, что должно дѣлать и чего не должно [3]). Оно—есть одно изъ главнѣйшихъ средствъ „для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности (2 Тим. 3, 16); оно—„сокровищница врачеваній“ [4]). „Нужно-ли узнать что нибудь, если случится недоумѣвать въ чемъ нибудь, о томъ можешь узнать отсюда; если нужно обличить ложь, если нужно исправиться или вразумиться, и это можешь почерпнуть отсюда; оно способствуетъ и къ увѣщанію и къ утѣшенію..... Для того дано наставленіе писаній, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій [5]). Только „знаніе св. писанія“ [6]) и заключенныхъ въ немъ божественныхъ „небесныхъ догматовъ“ [7]) служитъ дѣйствительнымъ признакомъ истиннаго пастыря, чрезъ это знаніе можно распознавать какъ пастырей, такъ и не пастырей [8]). Только „входяй дверьми св. писанія“ есть истинный пастырь, кто же не входитъ этою дверью, тотъ воръ и обманщикъ“. „И справедливо писаніе называется дверьми. Оно приводитъ насъ къ Богу и отверзаетъ путь богопознанія; оно производитъ овецъ, оно насъ охраняетъ и не позволяетъ впасть въ заблужденіе [9]).

Кромѣ того, знаніе св. писанія и содержащагося въ немъ ученія дѣлаетъ душу „великою и возвышенною“, сообщаетъ ей силу и крѣпость, дающую возможность пастырю, какъ научить своихъ пасомыхъ истинамъ вѣры и нравственности, такъ и успѣшно ратовать противъ заблужденій и нападеній. „Я владѣю, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, св. писаніемъ. Это мой жезлъ, это моя опора, это моя безмятежная пристань. Я содержу божественныя писанія, я читаю ихъ; эти письмена моя стѣна и безопасность [10]). Напротивъ, отъ незнанія писанія—всякое зло [11]),—душа дѣлается „робкою и боязливою“, неспособною къ выполненію трудныхъ обязанностей пастырскаго служенія.

Особенное вниманіе долженъ обращать пастырь на тѣ книги св. писанія, гдѣ преподаются наставленія собственно пастырямъ,

---

[1]) Бес. на посл. Колос. 144—145. [2]) Бес. на посл. Кол, 144—145. [3]) Бес. на 2 Тим. 121; ср. 128; 1 Тим. 178. [4]) Бес. на Іоан. II; 13. [5]) Бес. на 2 Тим. 127. [6]) Бес. на пос. Тит. 25. [7]) Бес. на Іоан. II 533. [8]) Ibid—138. [9]) Бес. на Іоан. II, 307—308. [10]) Бес. на раз. случаи II, 531. [11]) Бес. на пос. Кол. 145,

какими являются пастырскія посланія ап. Павла и др. его посланія. „Смотрите въ самомъ дѣлѣ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, какъ Павелъ въ каждомъ отдѣлѣ своего посланія преподаетъ такія наставленія, которыя вполнѣ приличествуютъ каждому учителю, пастырю церкви“ [1]). „Оставленныя ап. Павломъ писанія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Златоустъ, исполненныя Божественной премудрости плѣняютъ всякъ разумъ въ послушаніе Христово и низлагаютъ помышленія и всяко возношеніе, взимающееся на разумъ Божій (2 Кор. 10, 4. 5). Его писанія полезны намъ (пастырямъ) не только для ниспроверженія ложныхъ ученій и защиты истиннаго, но весьма не мало служатъ и къ преспѣянію въ благочестивой жизни. Предстоятели церкви, пользуясь ими, и нынѣ устрояютъ, совершенствуютъ и доводятъ до духовной красоты чистую дѣву, которую онъ обручилъ Христу (2 Кор. 11. 2). *Или же они отражаютъ* приключающіяся ей болѣзни и охраняютъ присущее ей здоровье“ [2]).

Просвѣщая свой умъ свѣтомъ богооткровенныхъ истинъ, пастырь долженъ знакомиться и съ основоположеніями современной человѣческой мысли. Знакомство съ основными положеніями науки пастырю положительно необходимо.

„Многіе, побуждаемые любознательностію или мучимые сомнѣніями и недоумѣніями, *пытаются проникнуть въ область христіанскаго вѣдѣнія*, освѣтить непостижимое свѣтомъ разума и сдѣлать тайное яснымъ для сознанія; въ этомъ случаѣ пастырю нужно много знанія и опытности, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ невѣжествѣ, и съ другой стороны, отклонить отъ неумѣстныхъ изслѣдованій и споровъ“ [3]). Пастырю церкви приходится имѣть дѣло и съ темными людьми не просвѣщенными образованіемъ, и съ людьми вполнѣ и безусловно вѣрующими во всѣ истины христіанскаго ученія, *именно такъ, какъ учитъ церковь*, и съ людьми сомнѣвающимися и даже отвергающими многія изъ нихъ. Всегда были, есть и будутъ такіе люди, которые, по словамъ апостола „не принимаютъ здраваго ученія, но по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ учителей, которые льстили бы слуху,—которые отвергаютъ свой слухъ отъ истины и обращаются къ баснямъ“ (2 Тим. 4, 3—4), а также и такіе, которые „всегда учатся и никогда не дойдутъ до

---

[1]) *Бес. на I Тимоө. 5—6.* [2]) *О свящ.* 450—451. [3]) О свящ. 447—448.

познанія истины—это люди развращенные умомъ и невѣжды въ вѣрѣ" (2 Тим. 3, 7—8) [1].—Понятно, что убѣдить въ истинахъ христіанской религіи людей, руководящихся всего болѣе началами „лжеименнаго знанія", тѣмъ больше, побѣдить невѣріе, лжевѣріе, показать всю ихъ несостоятельность для пастыря будетъ едва-ли возможно, если умъ его не развитъ надлежащимъ образомъ, и если онъ не обладаетъ обширнымъ запасомъ свѣдѣній не только въ области положительнаго христіанскаго вѣроученія, но и во многихъ другихъ предметахъ, составляющихъ кругъ, такъ называемаго, гуманнаго, общечеловѣческаго образованія [2]. „Кто намѣренъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, вступить въ борьбу.... долженъ знать искуственные пріемы всѣхъ: онъ долженъ быть стрѣлкомъ и пращникомъ, воиномъ и военачальникомъ, пѣшимъ и коннымъ, сражаться на кораблѣ и подъ стѣнами..... Если намѣревающійся побѣдить не будетъ свѣдущъ во всѣхъ видахъ искусства: то діаволъ съумѣетъ ввести своихъ разбойниковъ и похитить овецъ. Но онъ этого сдѣлать не можетъ, когда ощущаетъ присутствіе пастыря, обладающаго всякимъ знаніемъ и хорошо понимающаго все коварство его" [3]. Словомъ, „когда предстоятели церкви люди ученые", обладающіе не богословскимъ только, но и общимъ образованіемъ,— „то они много содѣйствуютъ благоустроенію церкви и великую приносятъ пользу" [4]. Поэтому, замѣчаетъ Св. Іоаннъ Златоустъ, „большею честью долженъ пользоваться тотъ пастырь, который трудится, печется и поучается во внѣшнихъ наукахъ [5])".

---

[1]) Бес. на 2 Тим. 113. [2]) О свящ. 452. [3]) О свящ. 445—6. [4]) Бес. на 1 Тим. 222. [5]) Ibid.

III.

Пастырская дѣятельность.

Богатый духовною жизнію, сильный умственнымъ и нравственнымъ авторитетомъ, пастырь не будетъ удовлетворять своему пастырскому призванію, если его духовная жизнь не имѣетъ надлежащаго выраженія въ самой дѣятельности. Пастырю „не для самого себя только должно быть полезнымъ, но и для многихъ, какъ сказалъ Христосъ, назвавъ насъ (пастырей) соліею, закваскою и свѣтомъ (Мѳ. V, 13—14). Эти предметы полезны и благопріятны для другихъ. Такъ, свѣтильникъ свѣтитъ не для самого себя, но для находящагося во маркѣ... Такъ же соль не себя только поддерживаетъ, но укрѣпляетъ и согниваюція тѣла, не допускаетъ имъ портиться и погибать... такъ точно и ты: если Богъ сдѣлалъ тебя духовною соліею, то поддерживай и укрѣпляй гніющіе члены, т. е. безпечныхъ и нерадивыхъ изъ братій“ [1]). Призванный къ дѣятельному руководству пасомыхъ на пути къ нравственному совершенству, пастырь долженъ знаться съ жизнью общества въ ея цѣломъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ самыхъ отдаленныхъ сферахъ житейскихъ отношеній проявляются вліянія, дѣйствующія благопріятно или неблагопріятно на религіозныя начала, проводимыя церковію,—и въ жизни паствы не должно быть такого уголка, который не требовалъ бы зоркаго наблюденія пастыря церкви; для него не должно существовать двухъ разграниченныхъ областей нравственной жизни пасомыхъ—области свѣтской и области духов-

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Писанія II т. 391 стр.

ной. „Пастырь, говоритъ св. І. Златоустъ, долженъ знать все житейское не менѣе обращающихся въ мірѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть свободенъ отъ всего болѣе иноковъ, живущихъ въ горахъ. Такъ какъ ему нужно обращаться съ мужами, которые имѣютъ женъ, воспитываютъ дѣтей, владѣютъ слугами, обладаютъ большимъ богатствомъ, исполняютъ общественныя должности и облечены властію, то онъ долженъ быть разнокачественъ“ [1]). Итакъ изученіе окружающей жизни, вотъ первая задача церковнаго учителя и пастыря. Но знакомство и изученіе окружающей жизни важно для пастыря не само по себѣ, а какъ средство къ осуществленію высшей цѣли пастырства: возводить наличную жизнь къ идеалу истинно-христіанской жизни.—Образецъ истинно-пастырскаго образа дѣятельности св. І. Златоустъ указываетъ въ жизни и дѣятельности св. апостоловъ. Такъ, „ап. Павелъ, желая отмѣнить обрѣзаніе, послалъ къ іудеямъ Тимоѳея, совершивъ надъ нимъ обрѣзаніе... Таковы, замѣчаетъ І. Златоустъ, дѣла домостроительства Божія: сначала оно нисходитъ къ людямъ, а потомъ возстановляетъ ихъ. Павелъ не хотѣлъ посылать Тимоѳея необрѣзаннымъ, чтобы съ самаго начала не заградить дверей ученію... Итакъ, обрѣзаніемъ онъ воспользовался противъ обрѣзанія... Соблюдалъ ап. Павелъ пятидесятницу и времена, чтобъ упразднить соблюденіе временъ; приносилъ жертву, чтобы уничтожить жертвоприношеніе“ [2]). Такъ же поступали и другіе апостолы, „они снисходятъ къ слабымъ, снисходятъ къ немощнѣйшимъ, исполняя изреченіе ап. Павла, въ которомъ говорится: для іудеевъ былъ какъ іудей, чтобы іудеевъ пріобрѣсти, для чуждыхъ закона, какъ чуждый закона, для немощныхъ; какъ немощный, чтобы пріобрѣсти немощныхъ. Для всѣхъ я сдѣлался всѣмъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ (2 Кор. 9, 19—23)“ [3]). Этотъ принципъ апостольской дѣятельности долженъ выражаться и въ дѣятельности каждаго пастыря. Приводя слова апостола: „кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ? кто соблазняется, съ кѣмъ бы я не воспламенялся“, св. І. Златоустъ заключаетъ: „таковъ

---

[1]) О священ. 463.

[2]) Слова на р. сл. II 365—366; Ср. Сл. на р. м. Св. Пис. II. 334—340; 298.

[3]) Бес. на р. м. Св. Пис. II т. 288.

долженъ быть священникъ" [1]).—Снисхожденіе пастыря до настроенія пасомыхъ и можетъ только обусловливать собою успѣхъ пастырскаго дѣла. „Сидящій на высотѣ, говоритъ св. І. Златоустъ, если постоянно будетъ оставаться на высотѣ, то никогда не можетъ поднять лежащаго внизу; но должно напередъ тому спуститься, чтобы потомъ возвысился этотъ. Посему... апостолы и нисходили съ высоты евангельскаго образа жизни, чтобы возвести іудеевъ отъ низости іудейскаго образа жизни на эту высоту" [2]). Такъ поступаютъ и врачи: „пищу, подаваемую больному, они сами отвѣдываютъ прежде не потому, чтобы сами нуждались въ этой пищѣ, но стараясь исцѣлить больного" [3]). Расширяя свое пастырское вниманіе далеко шире такъ называемой (въ отличіе отъ свѣтской) духовной сферы, пастырь долженъ дѣйствовать мѣрами не гражданскими, но чисто духовными. Въ пастырствѣ между руководителемъ и руководимыми существуютъ отношенія чисто свободныя, и священникъ, заботясь объ исправленіи и устроеніи жизни своихъ посомыхъ по закону Христову, можетъ и долженъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ можно дѣйствовать на свободу человѣка. „Рукоположеніе, говоритъ Златоустъ, не къ властолюбію ведетъ, не къ высокомѣрію располагаетъ, не господство предоставляетъ" [4])... „Мы поставлены поучать васъ словомъ, а не для начальства и самовольнаго распоряженія надъ вами: наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщавать васъ, но не принуждать слушателя, предоставляя ему полную свободу,—принять или не принять совѣтъ" [5]). „Кто имѣетъ внѣшнюю гражданскую власть, тотъ, какъ управляющій силою закона, и по необходимости справедливо не всегда соображается съ желаніями подчиненныхъ; но кто долженъ начальствовать надъ людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управленіе, тотъ, если будетъ поступать во всемъ только по своему произволу и никому не будетъ давать отчета, сдѣлаетъ свое правленіе насильственнымъ и ненароднымъ" [6]). Пастырская дѣятельность должна быть чужда насильственныхъ мѣръ, какъ и само христіанство [7]). Даже болѣе этого, — пастырская дѣятельность должна доставлять христіанамъ утѣшеніе въ скорбяхъ отъ внѣшнихъ начальниковъ (I Петр. IV, 14—14; Сол. V, 14): „если мы васъ не утѣшимъ,

[1]) О свящ. 420. [2]) Бес. на р. м. Св. Пис. II. 339. [3]) Ibid. 333. [4]) Бес. на р. сл. II. 331. [5]) Бес. на пос. Еф. 206. [6]) Бес. на п. Титу 23. [7]) О свящ. 408.

говоритъ І. Златоустъ, отъ кого другого получите утѣшеніе? Судіи устрашаютъ,... такъ пусть утѣшаютъ священники. Начальники угрожаютъ,... такъ пусть ободряетъ церковь" [1]).

„Если человѣкъ заблуждается отъ истиннаго пути, говоритъ св І. Златоустъ, то отъ пастыря требуется много дѣятельности, настойчивости и терпѣнія, ибо нельзя обращать на прямой путь силою, ни принуждать страхомъ, а должно убѣжденіями приводить къ истинѣ, отъ которой отпалъ человѣкъ, не отчаяваться въ спасеніи заблуждающагося, а постоянно думать и говорить, не подастъ ли ему Богъ познаніе истины и не освободитъ-ли отъ сѣтей діавола (2 Тимоѳ. 2, 25)" [2]). Что-же касается мѣръ принудительныхъ и карательныхъ, къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые пастыри для вразумленія заблуждающихся и пресѣченія дальнѣйшаго развитія появившихся въ приходѣ лжеученій, то таковыя рѣшительно отвергаются Златоустомъ. По его мнѣнію, прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, „значитъ не зло истреблять, но отринуть уязвленную душу. Мало помогаютъ тамъ, гдѣ огнемъ и мечемъ наказываютъ грѣшниковъ" [3]). Слѣдующія слова св. І. Златоуста показываютъ, съ какимъ чувствомъ пастырь церкви долженъ относиться къ неправомыслящимъ. Въ борьбѣ съ еретиками, говоритъ І. Златоустъ, „я прогоняю не дѣломъ, а преслѣдую словомъ, не еретика, но ересь; не еретика отвращаюсь, но заблужденіе ненавижу и хочу истребить; я веду войну не съ существомъ, ибо существо дѣло Божіе, но хочу исправить умъ, который развращенъ діаволомъ. Такъ и врачъ, исцѣляя больного, не противъ тѣла дѣйствуетъ, но исправляетъ поврежденіе тѣла. Такъ и я, если сражаюсь съ еретиками, то сражаюсь не съ самими людьми, но хочу истребить заблужденіе еретика и очистить гнилость. Я имѣю обыкновеніе терпѣть преслѣдованіе, а не преслѣдовать, быть гонимымъ, а не гнать. Такъ и Христосъ побѣждалъ, не распиная, но бывъ распятъ, не ударяя, но принимая удары" [4]). „Еретическія ученія, несогласныя съ принятыми нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться объ ихъ спасеніи" [5]). Вообще пастырь долженъ быть убѣжденъ „въ силѣ истины и слабости лжи, тогда какъ послѣд-

---

[1]) Бес. къ ант. народу I т. 328. [2]) О свящ. 409. [3]) Бес. на посл. Галат. 12; Ср. Слова и бес. на раз. случ. I. 143. [4]) Сл. и бес. на р. сл. 1 т. 115. [5]) Ibid. 78.

няя сама собой исчезаетъ и безъ всякаго насилія, первая чрезъ самыя препятствія умножается и поднимается до неизреченной высоты“ [1]).

Уже на основаніи вышесказаннаго о характерѣ пастырской дѣятельности вообще, можно видѣть, какими средствами, по мнѣнію Златоуста, можетъ и долженъ располагать пастырь въ дѣлѣ нравственнаго руководства своихъ пасомыхъ. Этими средствами служатъ· пастырское слово [2]), примѣрная жизнь самого пастыря [3]) и молитва [4]). Въ силу этихъ главныхъ средствъ и долженъ вѣрить пастырь церкви.

Весьма важнымъ средствомъ нравственнаго воздѣйствія на пасомыхъ является въ рукахъ постыря пастырское слово, прежде всего проповѣдь въ собственномъ смыслѣ. Пастырь долженъ быть прежде всего проповѣдникомъ [5]). Проповѣдь—нравственный долгъ пастыря (1 Кор. IX, 16. 17). „Проповѣдывать и благовѣствовать, говоритъ св. І. Златоустъ, это для меня священство, это жертва мною приносимая“ [6]). Глубоко убѣжденный въ долгѣ пастыря проповѣдывать, св. І. Златоустъ и произноситъ глубоко восторженныя похвалы силѣ слова пастыря. Говоря въ „словахъ о священствѣ“ о томъ, что пастырь церкви долженъ показывать своимъ пасомымъ примѣръ истинно-христіанской жизни, св. І. Златоустъ говоритъ далѣе: „но послѣ дѣлъ остается (у пастыря) одно средство, одинъ способъ леченія (душъ пасомыхъ)—ученіе словомъ. Вотъ, оружіе, вотъ пища, вотъ благораствореніе воздуха! Это вмѣсто лекарства, это вмѣсто огня и желѣза. Настоитъ ли надобность прижигать, или отсѣкать,—необходимо должно прибѣгать къ слову. Если оно нисколько не подѣйствуетъ,—все прочее остается недѣйствительнымъ. Имъ мы возставляемъ падшую, укрощаемъ волнующуюся душу, отсѣкаемъ излишки, восполняемъ недостатки и совершаемъ все другое, что служитъ къ здравію души нашей“ [7]). Слово пастыря, какъ излагающее мысли слова Божія, само безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ, является словомъ судящимъ (Іоан. XII. 48). „Мы не выводимъ, говоритъ св. І. Златоустъ,

---

[1]) Ibid 78. [2]) Бес. на посл. Еф. 206; Сл. и бес. на р. сл. I. 115 и др.
[3]) Бес. на р. м. Св. Пис. II, 398; ср. Бес. на Дѣян. II, 248; Бес. на кн. Бытія 1, 124—5. [4]) Бес. на р. сл. II, 332. [5]) О свящ. 445. [6]) Бес. на посл. Римл. 656. [7]) О свящ. 445.

грѣшниковъ на средину, чтобы такимъ образомъ объявить ихъ грѣхи, но, предлагая общее для всѣхъ ученіе, предоставляемъ совѣсти слушателей, чтобы каждый извлекалъ изъ сказаннаго соотвѣтствующее собственной его ранѣ. Слово ученія проистекаетъ изъ устъ говорящаго, заключая въ себѣ осужденіе пороковъ, похвалу добродѣтели, укоризну разврату, хвалу цѣломудрію, осужденіе гордости, похвалу кротости, какъ бы различное и разнообразное, составленное изъ всѣхъ видовъ лекарство; но взять пригодное и полезное для себя,—это дѣло каждаго изъ слушателей. Слово проистекаетъ открыто, но внѣдряясь въ совѣсти каждаго, оно незамѣтнымъ образомъ производитъ врачеваніе и часто еще прежде, нежели открылась болѣзнь, оно возвращаетъ здоровье“ [1]). Слово—это богатство ни съ чѣмъ не сравнимое (1 Тит. IV, 16): „блага мірскія имѣютъ много завистниковъ, а духовныя чѣмъ большему числу людей достаются, тѣмъ обильнѣе оказываются. Въ этомъ можно убѣдиться и изъ настоящаго слова. Если это слово, которое предлагаю всѣмъ, удержу я у себя, то буду бѣднѣе, а когда сообщаю всѣмъ, то, какъ бросая сѣмена въ чистую землю, умножаю тѣмъ свое достояніе, увеличиваю богатство; васъ всѣхъ дѣлаю богаче, да и самъ отъ этого не дѣлаюсь бѣднѣе“ [2]).

Для того, чтобы слово проповѣдника сопровождалось успѣхомъ, приносило плодъ, пастырю-проповѣднику необходимо изслѣдовать ту почву, на которой онъ намѣренъ сѣять сѣмена Божественнаго ученія. Руководящимъ принципомъ проповѣднической дѣятельности пастыря должна служить не отвлеченная доктрина, преподаваемая по пунктамъ, но наличное состояніе слушателей, степень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Раскрывая тѣ или другія истины, пастырь-проповѣдникъ долженъ принимать во вниманіе, прежде всего, количество и степень тѣхъ понятій, убѣжденій и стремленій, которыя уже раздѣляются данными слушателями, и отъ положеній, принимаемыхъ слушателями, приводить къ новымъ положеніямъ. Этому основному принципу всякаго убѣжденія слѣдовали въ своей проповѣднической дѣятельности и апостолы. „Какъ человѣкъ, намѣревающійся построить большой домъ, нашедши старое основаніе, крѣпкое и непоколебимое, не разбираетъ этого основанія, не трогаетъ камней, но, оставивъ его

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Пис. III. 351. [2]) Бес. къ ант. нар. II. 610—611.

неподвижнымъ, на немъ и воздвигаетъ новое зданіе; такъ и апостолы, намѣреваясь построить великое зданіе (церковь) и нашедши древнее основаніе, положенное пророками, не разбирали его, не трогали ихъ зданія и ученія, но, оставивъ его неподвижнымъ, на немъ воздвигали свое ученіе, новую вѣру церкви" [1]). И самъ св. І. Златоустъ оправдываетъ этотъ принципъ примѣромъ собственной провѣдпической дѣятельности. Сила и убѣдительность его проповѣдей всецѣло обусловливалась тѣмъ, что онъ ясно опредѣлялъ душевное настроеніе своихъ слушателей, и проповѣдь его являлась отвѣтомъ на ихъ запросы и духовныя нужды (такъ напр. проповѣдь по случаю низверженія царскихъ статуй и др.).—Примѣромъ собственной проповѣди св. І. Златоустъ научаетъ пастыря соблюдать строгую послѣдовательность въ раскрытіи тѣхъ или другихъ истинъ. „Отъ чувственнаго, говоритъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, надо руководить къ духовному. Такъ поступалъ І. Христосъ (Іоан. IV. 13—14). Такъ дѣлаемъ и мы: отъ низшаго восходимъ къ высшему, чтобы рѣчь была яснѣе" [2]). „Дѣтей только еще начинающихъ учиться, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, учителя не подвергаютъ сряду многимъ трудамъ, да и въ одинъ разъ не много занимаютъ ихъ науками, а по немногу и при томъ одно и тоже часто имъ повторяютъ, чтобы удобнѣе вложить свои уроки въ ихъ умъ" [3]). „И чадолюбивая мать, намѣреваясь грудное дитя перевести на твердую пищу, дѣлаетъ это не вдругъ, а исподволь, такъ и мы не вдругъ наполнили чашу нашего ученія, но раздѣлили его на многіе дни" [4]).

Какъ бы ни была велика сила слова, какъ бы ни было слово пастыря пригодно и дѣйствительно во всѣхъ нуждахъ и *положеніяхъ пасомыхъ, однако пастырю всегда необходимо помнить*, что дѣло созиданія спасенія пасомыхъ съ трудомъ совершается и достигается только настойчивымъ словомъ, неустаннымъ, безостановочнымъ (2 Тим. IV. 1—2). „Когда кто захочетъ, говоритъ І. Златоустъ, исторгнуть съ корнемъ страсть, укоренившуюся и долго *жившую въ душѣ, тогда для этого исправленія не достаточно одно*дневнаго или двухдневнаго увѣщанія, но надобно часто и въ продолженіе многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ, — если

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Пис. II. 288. [2]) Ibid. 314. [3]) Бес. на посл. Еф. 57.
[4]) Бес. къ ант. нар., 1. 78. 277.

только хотимъ проповѣдывать не изъ честолюбія и для удовольствія, а для блага и пользы... Самый лучшій способъ наставленія не переставать внушать чтобы то ни было до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что внушеніе перешло въ дѣло. Кто говоритъ сегодня о милостынѣ, завтра о молитвѣ, послѣ завтра о кротости, потомъ еще о смиренномудріи, тотъ не доведетъ своихъ слушателей ни до одной изъ этихъ добродѣтелей, потому что онъ постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, и отъ этого опять къ иному. Напротивъ, кто хочетъ, чтобы слушатели на дѣлѣ исполняли слова его, тотъ дотолѣ не долженъ прекращать свое увѣщаніе и совѣты объ одномъ и томъ же предметѣ и переходить къ другому какому нибудь, пока не увидитъ, что прежнее увѣщаніе хорошо укоренилось" [1]). Самъ св. І. Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ показываетъ величайшій примѣръ исполненія сейчасъ сказаннаго. Стоитъ только прочитать нѣсколько частей твореній св. отца, чтобы убѣдиться, съ какою настойчивостью св. Златоустъ увѣщаваетъ своихъ слушателей къ милостынѣ—„царицѣ добродѣтелей" и къ искоренію въ себѣ сребролюбія—„корня всѣхъ золъ". Въ своей бесѣдѣ „по случаю низверженія царскихъ статуй" онъ съ величайшимъ долготерпѣніемъ и пастырскою настойчивостью убѣждаетъ антіохійцевъ оставить пагубную привычку клясться. Въ одной изъ этихъ бесѣдъ, увѣщавая, слушателей къ тому-же, св. отецъ говоритъ такъ: „знаю, что кажусь уже тяжелымъ и обременительнымъ и досаждаю непрерывнымъ повтореніемъ этого увѣщанія, однако не перестаю, чтобы вы, устыдившись хоть моего нестыдѣнія, отстали отъ дурной привычки клясться" [2]). Въ другомъ мѣстѣ І. Златоустъ говоритъ: „я принужденъ быть тяжелымъ не для себя, но для васъ и вашего спасенія, которое для меня дороже всего. Кто хочетъ пусть огорчается и называетъ меня тяжелымъ и безстыднымъ; но я не перестану постоянно твердить объ одномъ и томъ же, потому что для меня нѣтъ ничего лучше такого безстыдства. Можетъ быть, что вы устыдитесь, если не другого чего, то, по крайней мѣрѣ, этого,—чтобы не слышать безпрестаннаго напоминанія объ одномъ и томъ-же: частымъ повтореніемъ, можетъ быть, и трону васъ" [3]). Эта пастырская на-

---

[1]) Бес. къ ант. народу II, 154.

[2]) Бес. 9. [3]) Бес. на р. м. Св. Пис. II. 388

стойчивость слова должна не ослабѣвать въ своихъ силахъ даже и тогда, когда, повидимому, она остается совершенною безрезультатною для слушателей, какъ и Самъ Спаситель не переставалъ учить и творить чудеса предъ ослѣпленными книжниками и всѣмъ іудейскимъ народомъ. „Потому что ты не можешь, говоритъ І. Златоустъ, спасти вселенную, не пренебрегай немногимъ и по желанію великаго не лишайся малаго. Если ты не можешь обратить десяти, не пренебрегай пятью, если не можешь и пяти, не призри одного, если не можешь и одного, не унывай и не оставляй дѣлать то, что можешь“ [1]). Или въ другомъ мѣстѣ, опровергая возраженія тѣхъ, которые, исходя изъ факта малоплодности проповѣди, отрицали самое дѣло проповѣди, св. І. Златоустъ говоритъ: „что говоришь ты, человѣкъ? Развѣ мы обѣщали уловить всѣхъ въ одинъ день. Если только убѣдились десять, если даже одинъ: не достаточно-ли сего для нашего утѣшенія. Скажу и еще болѣе. Пусть никто не убѣдился нашими словами, хотя невозможно, чтобы безплодно было слово, подаваемое въ столь многіе слухи; но пусть будетъ такъ; однако и въ семъ случаѣ слово не безплодно намъ. Ибо, если слушатели и вошли въ корчемницу (объ уничтоженіи этой привычки говорилъ Златоустъ предъ этой бесѣдой), то вошли уже не съ такимъ безстыдствомъ, да и за столами часто воспоминали о нашихъ словахъ укоризны, обвиненія и, вспомнивъ, устыдились, покраснѣли мысленно: они сдѣлали обычное не съ такою наглостью. А почувствовать вполнѣ стыдъ, сознать вполнѣ свои дѣла—это начало спасенія и прекрасной перемѣны... Слово не отвело нѣкоторыхъ отъ порока? Но за то живущихъ добродѣтельно сдѣлало внимательнѣйшими. Не убѣдилъ я сегодня? Но завтра, быть можетъ, успѣю убѣдить? Можетъ быть послѣ завтра, или въ слѣдующій день. И рыбакъ закидываетъ уду иногда цѣлый день понапрасну, но къ вечеру уловляетъ рыбу, уходившую отъ него цѣлый день“ [2]). Словомъ, „пастырь—проповѣдникъ, слушаетъ-ли его кто или нѣтъ, долженъ бросать сѣмена и отдавать (въ ростъ) серебро, чтобы Богъ потребовалъ отчета уже не отъ него, а отъ мѣновщиковъ“ [3]). Пастырь въ этомъ случаѣ долженъ такъ разсуждать: „не перестану говорить я, хотя бы никто не слушалъ.

---

1) Бес. на 1 Кор. 1 ч. 47. 2) Бес. къ ант. нар. I. 19—20.
3) Бес. къ ант. нар. II. 86.

Я—врачъ, и предлагаю врачевство; я учитель, и долженъ увѣщевать. Никого не исправляю? Что-же такое? Я за это имѣю награду! И ключи текутъ, хотя бы никто не черпалъ изъ нихъ, и родники источаютъ воду, хотя бы никто не бралъ ея, и рѣки бѣгутъ, хотя бы никто не пилъ изъ нихъ; такъ и проповѣдникъ, хотя бы никто не внималъ ему, долженъ исполнить все, что отъ него зависитъ. Ибо намъ, принявшимъ служеніе слова, постановленъ человѣколюбивымъ Богомъ законъ: никогда не оставлять своего дѣла и не молчать хотя бы слушали насъ, хотя бы убѣгали" [1]).

Но пастырь также не долженъ соблазняться и видимыми успѣхами своей проповѣди, не долженъ онъ и тогда оставлять словъ назиданія, потому что обязанность его всѣхъ привести ко спасенію (1 Кор. IX, 22—23). „Сколько было перемѣнъ, говоритъ І. Златоустъ, съ того времени, какъ я сдѣлался предстоятелемъ въ этомъ городѣ. И никто не исправился. Говоря никто, я не всѣхъ осуждаю; да не будетъ, ибо не можетъ быть, чтобы эта тучная нива, принявъ сѣмена, не произвела плода. Но я ненасытимъ. Я хочу, чтобы спаслись не многіе, но всѣ. Если даже одинъ останется погибающимъ, то я погибаю и думаю подражать тому пастырю, который имѣлъ девяносто девять овецъ и пошелъ за одною заблудившеюся" [2]). „Не говори мнѣ, разсуждаетъ І. Златоустъ въ другой бесѣдѣ, что многіе исправились, не этого ищу, но чтобы всѣ исправились. Доколѣ этого не увижу, не могу успокоиться: пастырь тотъ (Мѳ. 18, 12) имѣлъ сто овецъ, но когда заблудилась одна, онъ не довольствовался цѣлостью девяноста девяти, пока не нашелъ заблудшей и не привелъ опять въ стадо. Не говори мнѣ, что погибъ только одинъ братъ, но подумай, что этотъ братъ есть предметъ великаго попеченія Божія, для котораго сдѣлано такъ много, за котораго пролита драгоцѣнная кровь и заплачена такая цѣна, для котораго распростерто небо, зажжено солнце, обращается луна, сіяетъ разнообразный хоръ звѣздъ, для котораго законъ, для котораго пророки, для котораго апостолы, для котораго были тысячи чудесъ, для котораго Единородный Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ и былъ закланъ" [3]). И при неуспѣшности и при большихъ успѣхахъ проповѣди па-

---

[1]) Бес. къ ант. нар. I, 16—17. [2]) Сл. и бес. на р. сл. II. 476. [3]) Бес. къ ант. нар. I. 471.

стырь церкви долженъ оставаться неутомимымъ проповѣдникомъ; силы для этого онъ всегда найдетъ, если только утвердится мыслію, что и успѣхъ и неуспѣхъ проповѣди не въ его личномъ распоряженіи,—это дѣло Божіей благодати: она находитъ сердца, способныя къ воспріятію ученія пастыря, она же и ожесточаетъ сердца пасомыхъ до полнаго пренебреженія словами учителя (1 Кор. III. 5—9). Пастырь всегда долженъ мнить себя сосудомъ и служителемъ благодати Божественной; благодатію онъ крѣпокъ,—благодать и созидаетъ дѣло проповѣдника (2 Кор. XII, 9). „Пусть никто не говоритъ обо мнѣ, что я несовершенъ, говоритъ св. I. Златоустъ, ничего не значу, ничего не стою: и всякій пусть слушаетъ со вниманіемъ. Я вѣдь принадлежу къ числу тѣхъ, чрезъ которыхъ дѣйствуетъ благодать Божія. Богъ обыкновенно даже постоянно присутствуетъ въ такихъ людяхъ для пользы многихъ. Не думайте, что это я отъ себя говорю, Божія благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойнаго, не для насъ, а для васъ. Послушайте, что говоритъ Христосъ: аще будетъ домъ достоинъ, да пріидетъ миръ вашъ нань (Мѳ. X, 13). Какъ же онъ дѣлается достойнымъ? Если примутъ васъ, говоритъ Онъ. Если же не примутъ и не послушаютъ слова вашего, аминь глаголю вамъ, отраднѣе будетъ землѣ Содомстѣй и Гоморстѣй, неже граду тому (X, 15...)... Послушайте также словъ Христовыхъ: вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите (Мѳ. 23, 3). Ты не меня презираешь, а священство... Доколѣ мы возсѣдаемъ на семъ престолѣ, доколѣ мы имѣемъ предсѣдательство, дотолѣ имѣемъ достоинство и силу, хотя сами недостойны. Если сѣдалище Моисея столь почетно, что изъ него слушали возсѣдавшихъ на немъ, то тѣмъ болѣе долженъ быть почитаемъ престолъ Христовъ. Его по наслѣдству получили мы. Мы вѣщаемъ вамъ съ того самаго сѣдалища, съ котораго и Христосъ учредилъ въ насъ служеніе примиренія. Мы имѣемъ значеніе посланниковъ и пришли отъ Бога... Мы Божіи посланники для людей; если это для васъ тягостно, то вѣдь не мы тягостны, а нашъ санъ. Пусть всякій не меня слушаетъ, а сана моего“ [1]).

Но высокій и крѣпкій сознаніемъ всегда присущей ему благодати Божественной, священникъ не долженъ забывать того, что и

---

[1]) Бес. Кол. 58—59; Бес. на 2 Кор. 341.

онъ—человѣкъ, облеченный плотію, что и ему присущи тѣ или другіе недостатки; поэтому сознаніе присутствія въ немъ благодати не должно возбуждать въ немъ высокомудрія въ отношеніи къ пасомымъ. Эта гордость и высокомѣріе дожны въ немъ по этому сдерживаться сознаніемъ собственной человѣческой немощи (2 Кор. XI, 30). „То было дѣло человѣколюбія Божія, говоритъ I. Златоустъ, что и поучающій и слушающій подлежатъ однимъ и тѣмъ-же законамъ, имѣютъ одинаковую природу, и одинаково каждый бываетъ виновенъ, дѣлая преступленіе. Для чего? Для того, чтобы поучающій дѣлалъ обличеніе съ умѣренностью, чтобы онъ былъ снисходителенъ къ согрѣшающимъ, чтобы, помня собственную немощь, не произносилъ невыносимаго осужденія. Потому Богъ не свелъ съ неба ангеловъ и не приставилъ ихъ учителями къ роду человѣческому, чтобы они по превосходству природы и по невѣдѣнію человѣческой немощи не были безпощадными къ намъ въ своихъ обличеніяхъ; но поставилъ учителями и священниками людей смертныхъ, людей обложенныхъ немощію, чтобы то самое, что и поучающій и слушающіе подлежатъ одинаковой отвѣтственности, обуздывало языкъ поучающаго, не позволяя ему простирать обличенія сверхъ мѣры“ [1]).

Слово пастыря должно быть и словомъ любви и кротости. „Намъ (учителямъ церковнымъ), говоритъ I. Златоустъ, нужно не только дерзновеніе, когда мы намѣреваемся обличать, но еще больше кротость, нежели дерзновеніе, потому что грѣшники никого изъ людей такъ не отвращаются и не навидятъ, какъ того, кто намѣревается обличать ихъ; они стараются найти предлогъ уклониться и избѣжать обличенія; посему нужно ихъ удерживать кротостію и снисходительностію. Обличитель несносенъ для грѣшниковъ не только тогда, когда они слышатъ его голосъ, но и тогда когда только видятъ его“ [2]).—И не только слово кротости должно исходить изъ устъ пастыря, но и слово долготерпѣнія (2 Тим. IV, 2). „Ибо, говоритъ Златоустъ, нѣтъ врачевства болѣе приличнаго учителю и столько полезнаго подчиненнымъ, какъ долготерпѣніе. Имъ священникъ можетъ пристыдить и обратить и самаго безстыднаго изъ подчиненныхъ“ [3]).

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Пис. III. 414.
[2]) Бес. на р. м. Св. Пис. I, 257. [3]) Бес. на 1 Сол. 164.

Но свою любовь, кротость и долготерпѣніе пастырь не долженъ доводить до снисходительнаго отношенія ко всѣмъ слабостямъ своихъ духовныхъ чадъ,—но въ случаѣ надобности онъ долженъ обличать порокъ согрѣшающихъ съ полною властною строгостію. Въ изъясненіи слова Божія, по мысли Златоуста, одному надо учить, другому приказывать. Уподобляя дѣло проповѣди устроенію мірскихъ дѣлъ, св. І. Златоустъ говоритъ такъ: „При устроеніи человѣческихъ дѣлъ иногда требуется наставленіе, а иногда приказаніе. Если бы ты (учитель) каждому сталъ приказывать тамъ, гдѣ слѣдуетъ учить, то былъ бы достоинъ посмѣянія. И наоборотъ, если бы началъ учить тамъ, гдѣ нужно приказывать, то случилось бы тоже самое. Напримѣръ, что не должно быть злымъ, этому слѣдуетъ не учить, а приказывать и запрещать съ особенною силою... Если-же ты намѣреваешься говорить о томъ, что должно раздавать имѣніе, что должно хранить дѣвство, если думаешь бесѣдовать о вѣрѣ; то въ такомъ случаѣ необходимымъ становится ученіе“ [1]). И въ исправленіи жизни пасомыхъ иногда нужно слово кротости, а иногда слово обличенія. „Какъ необдуманно осуждать, бываетъ вредно, такъ и не наказывать явно согрѣшившихъ—значитъ давать другимъ дорогу къ тому, чтобы и они сіе творили и на сіе покушались. Обличай не кое-какъ; но со строгостью, потому что такимъ образомъ и другіе будутъ бояться“ [2]). Или въ другой бесѣдѣ по тому-же вопросу св. І. Златоустъ выражается такъ: „въ тѣхъ вещахъ, которыя лично его (священника) касаются, пусть онъ подвергается пренебреженію и пусть переноситъ сіе, ибо такимъ образомъ долготерпѣніе содѣйствуетъ успѣху ученія, а въ томъ, что касается другихъ—нѣтъ; потому что это будетъ уже не кротость, а равнодушіе. Когда онъ мститъ за обиды нанесенныя ему, или за злословіе, или за навѣтъ, тогда справедливо обвиняешь его. Когда-же дѣло касается спасенія другихъ, тогда приказывай и распоряжайся съ полною властью. Здѣсь нужна не кротость, дабы сіе не сдѣлалось гибельнымъ для общества“ [3]). Въ этихъ словахъ ясно выражается та мысль св. І. Златоуста, что обличенія пастыря не показатели его суровости, такъ какъ онъ долженъ быть кротокъ, но вызываются нравственнымъ состояніемъ пасомыхъ. „Какъ

---

[1]) Бес. на I Тимоѳ. 176. [2]) Ibid. 224. [3]) Бес. на I Тимоѳ. 177.

врачъ въ интересахъ больного даетъ ему горькія лекарства, такъ и пастырь-проповѣдникъ, произносящій горькія слова, очищая душу отъ порочныхъ помысловъ и свергая тяжелое бремя грѣховъ, доставляетъ слушателю спокойствіе совѣсти" [1]).—Но и въ своихъ властныхъ словахъ пастырь никогда не долженъ забывать духа любви, не долженъ обличать со страстностью, но умѣрять обличенія духомъ кротости. Образецъ подобнаго совмѣщенія представляетъ самъ І. Златоустъ. Стоитъ прочитать его бесѣды на посланія къ Колоссянамъ (гдѣ онъ обличаетъ страсть сребролюбія) [2]) для того, что бы видѣть, съ какою осторожностью употребляетъ онъ слово власти, какая любовь сквозитъ чрезъ каждое суровое, властное его слово.

Заботясь всецѣло о духовномъ возрожденіи своихъ пасомыхъ, не имѣя въ виду никакихъ внѣшнихъ постороннихъ цѣлей кромѣ насажденія въ сердца своихъ пасомыхъ слова Божія, постырь-проповѣдникъ долженъ усматривать плоды своей пастырско проповѣдпической дѣятельности только въ духовномъ возрастаніи своей паствы; его не должны увлекать какія нибудь внѣшнія обнаруженія со стороны пасомыхъ одобренія и похвалы его проповѣдническому слову. Къ этимъ похваламъ пастырь долженъ относиться, если не отрицательно, то во всякомъ случаѣ какъ къ чему-то постороннему, не имѣющему существеннаго значенія въ его пастырскомъ дѣланіи. „Принявшій на себя подвигъ учительства, говоритъ Златоустъ, не долженъ смотрѣть на похвалы другихъ и ослабѣвать духомъ, когда не слышитъ ихъ. Если трудящійся въ словѣ въ угодность Богу (вотъ что должно служить ему единственнымъ правиломъ и единственною цѣлію ревностнаго труда, а не рукоплесканія и похвалы) одобряется людьми, пусть не отвергаетъ одобреній; если же не получитъ ихъ отъ слушателей, пусть не ищетъ, не печалится. Наилучшее утѣшеніе въ трудахъ и самое доста точное, когда кто въ совѣсти своей можетъ сказать о себѣ, что онъ въ ученіи своемъ сообразается единственно съ правиломъ, чтобы угодить Богу! А кто будетъ водиться пристрастіемъ къ безразсуднымъ похваламъ, тотъ не получитъ никакой пользы ни отъ великихъ трудовъ своихъ, ни отъ силы своего слова, тѣмъ болѣе, что душа, не умѣющая переносить безсмысленныхъ обвиненій на-

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Пис. III, 416. [2]) 7 и 8-я бесѣда.

рода слабѣетъ и теряетъ охоту трудиться въ словѣ. Поэтому, прежде всего, должно научиться презирать похвалы. Кто не знаетъ этой науки, тому мало-быть свѣдущимъ въ словѣ для храненія въ себѣ способности учить" [1]. „Душа, жаждущая чести и славы, говоритъ еще св. отецъ, не увидитъ царства небеснаго (Мо. VI, 5)" [2]. „Что такое честь, которую намъ оказываетъ толпа? Ничто, потому что, если сами воздающіе намъ честь погибаютъ, то тѣмъ болѣе эта честь" [3]. „Похвала проповѣднику не рукоплесканія, но ревность слушателей о благочестіи, не шумъ во время слушанія, но усердіе во всякое время. Шумное одобреніе, какъ только вышло изъ устъ, то, разсѣяваясь въ воздухѣ, исчезаетъ; а исправленіе слушателей готовитъ неоскудѣвающую и безсмертную награду и говорящему и слушающему. Крикъ вашего одобренія дѣлаетъ говорящаго славнымъ здѣсь, благочестіе вашей души доставляетъ учителю дерзновеніе предъ престоломъ Христовымъ" [4]. „Что мнѣ за выгода въ этихъ рукоплесканіяхъ, еще говоритъ І. Златоустъ. Что въ похвалахъ и въ восклицаніяхъ? Для меня будетъ похвалою то, если вы своими дѣлами оправдаете всѣ мои слова. Тогда я счастливъ и блаженъ, когда вы со всѣмъ усердіемъ будете не принимать, но исполнять все, что отъ меня услышите" [5].—Очевидно, что св. І. Златоустъ, произнося сильныя укоризны внѣшнимъ похваламъ, которыми награждаютъ слушатели проповѣдника, выходилъ въ этихъ укоризнахъ изъ той мысли, что похвалы раздаются краснорѣчію проповѣдника, которое есть несущественное въ проповѣди, но внѣшній (хотя великій и чрезвычайный) даръ,—и что, слѣдовательно, слушатели, увлекаясь краснорѣчіемъ проповѣдника, обращаютъ вниманіе именно на внѣшнюю сторону проповѣди, забывая ея внутреннее содержаніе, которое, какъ направленное къ искорененію порочности и къ стяжанію добродѣтели, всегда глубоко серьезно, должно вызывать въ слушателяхъ глубокое вниманіе, побуждая ихъ или къ покаянному чувству, или къ чувству свѣтлой и тихой,—но не бурной и восторженной,—о Христѣ радости и сердечной благодарности проповѣднику. Поэтому внѣшнія восклицанія, внѣшнія похвалы не радость должны возбуждать въ проповѣдникѣ, но скорбь, вызывать изъ устъ его укоризны и увѣщанія

---

[1] О свящ. 457. [2] Бес. на посл. къ Титу 30. [3] Бес. на пос. Ефес. 214. [4] Бес. на р. м. Св. Пис. II. 388, ср. Бес. Колос. 57. [5] Бес. къ ант. нар. 1, 224.

слушателямъ, чтобы они внимали тому внутреннему содержанію проповѣди, которое направляется къ ихъ спасенію, и внимая этой сторонѣ проповѣди, исправляли свою жизнь.

Итакъ, единственно истинные плоды, которыхъ пастырь долженъ ожидать отъ своей проповѣднической дѣятельности, - это нравственное возрожденіе отъ силы въ силу своихъ пасомыхъ, водвореніе въ душахъ ихъ мира и радости во святомъ Духѣ— царствія Божія (Римл. XIV, 17), - все же прочее не относится къ его служенію по существу.

Проповѣдь является важнымъ средствомъ въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія пастыря на пасомыхъ. Но дѣйствіе проповѣди въ борьбѣ съ порокомъ довольно ограниченное и одними проповѣдями отнюдь не можетъ довольствоваться попечительная любовь пастыря, когда онъ видитъ, что страдаютъ нравственною болѣзнію тѣ или другіе изъ его пасомыхъ. Проповѣдь общая, нравоучительная, можетъ имѣть значеніе предохранительной мѣры, когда паствѣ угрожаетъ зараза какими-либо дурными обычаями, или замѣтно увлеченіе многихъ чѣмъ либо соблазнительнымъ для нравственности. Далѣе, съ нравоученіемъ можно соединять обличеніе въ церковной проповѣди, когда пастырь бываетъ свидѣтелемъ какихъ-либо безобразій въ жизни своей паствы и грубыхъ нарушеній святости христіанскихъ требованій цѣлою массою пасомыхъ,—еще тогда, когда многіе увлечены какимъ-либо порокомъ.

V Для болѣе или менѣе успѣшнаго врачеванія духовныхъ болѣзней необходимо непосредственное, личное обращеніе пастыря къ болѣющимъ грѣхомъ: подобно тому, какъ это бываетъ у врача обыкновеннаго при леченіи тѣлесныхъ болѣзней. На людей, требующихъ духовнаго врачеванія благотворно могутъ дѣйствовать не столько общія увѣщанія, направленныя ко всѣмъ, сколько увѣщанія частныя и они здѣсь даже болѣе необходимы, чѣмъ первыя.— Самымъ удобнымъ временемъ для этихъ увѣщаній является время исповѣди. Къ пастырю въ это время являются его духовныя чада, предъ нимъ обнаруживаютъ раны и струпы наболѣвшей души; здѣсь пастырь становится лицемъ къ лицу съ всевозможными явленіями внутренно-психологическаго міра, съ самыми разнообразными проявленіями нравственной природы человѣка, начиная отъ

невѣрія и нравственной закоренѣлости и кончая религіознымъ одушевленіемъ и нравственнымъ подвижничествомъ высокаго достоинства. Какъ попечитель душъ—пастырь не можетъ и не долженъ довольствоваться однимъ отправленіемъ богослужебнаго чина, положеннаго при совершеніи таинства, и безучастно разрѣшать или связывать кающагося. Его прямой долгъ—„слабаго поддержать, больного исцѣлить, раненому раны перевязать" (Іез. 34, 4).

Какъ въ медицинской практикѣ успѣхъ леченія болѣзни зависитъ отъ того, насколько правильно поставленъ діагнозъ, какъ вѣрно опредѣлены причины появленія и условія развитія болѣзни, такъ и въ дѣлѣ врачеванія духовнаго,—для успѣшности послѣдняго пастырю необходимо вникать въ сущность и характеръ тѣхъ житейскихъ условій, которыя имѣли значеніе въ образованіи характера извѣстнаго человѣка, оказывали то или иное вліяніе на его душевный складъ и поведеніе [1]). Далѣе, когда врачъ, опредѣливъ болѣзнь, назначаетъ средства и при этомъ сообразуется съ организаціей больного, такъ и врачъ болѣзней духовныхъ при назначеніи средствъ долженъ обращать вниманіе на внутреннее настроеніе человѣка. „Пастырю нужно имѣть много благоразумія и много очей, чтобы со всѣхъ сторонъ наблюдать состояніе души и употреблять соотвѣтствующія мѣры" [2]). Въ то время какъ для одного достаточно простого увѣщанія, наставленія, для нравственнаго исправленія другого требуется строгое обличеніе и наказаніе. „Иной отъ строгаго обличенія впадаетъ въ ожесточеніе и совращается съ истиннаго пути, другіе же не иначе могутъ быть приведены къ исправленію, какъ строгимъ обличеніемъ и наказаніемъ" [3]). „Лучшій способъ врачеванія, говоритъ І. Златоустъ, состоитъ въ томъ, чтобы не только разрѣзывать, но и перевязывать раны; и высшее правило наставленія состоитъ въ томъ, чтобы не только обличать, но и увѣщавать, утѣшать... Кто постоянно только увѣщаваетъ, тотъ дѣлаетъ слушателя безпечнымъ, а кто только обличаетъ, тотъ дѣлаетъ его болѣе упорнымъ, потому что, не перенося тяжести наставленій, постоянныхъ обличеній, онъ скоро удаляется. Посему въ способѣ наставленія должно быть нѣкоторое разнообразіе" [4]).

---

[1]) О свящ. 303. [2]) Ibid 409.

[3]) О свящ. 408. [4]) Бес. на р. м. Св. Пис. III. 412. 416; ср. I. 97; Бес. къ ант. народу II, 506; Бес. II, Тимоѳ. 129; Бес. Титу 24.

Само собой понятно, что если вся пастырская дѣятельность должна быть выраженіемъ любви [1]), то тѣмъ болѣе эта всеобъемлющая любовь должна имѣть мѣсто здѣсь, въ отношеніяхъ пастыря къ слабымъ и больнымъ членамъ его стада. Какія либо другія отношенія къ нимъ, пожалуй, даже и немыслимы, такъ какъ извѣстенъ психологическій фактъ, что строгость къ раздраженному, больному духомъ, только еще болѣе раздражаетъ его и производитъ непріязнь по отношенію къ духовному врачу,—будь это пастырь, или отецъ, или другой кто.—Слово обличенія должно проистекать изъ чистыхъ источниковъ, именно, изъ ревности по Богѣ, изъ отеческой любви къ пасомымъ и благочестивой заботы объ ихъ спасеніи. Кромѣ этихъ чистыхъ побужденій ничто не должно увлекать пастыря къ горькому слову обличенія. И тѣни побужденій самолюбія не должно быть тамъ, гдѣ пастырь призывается совершать святое дѣло спасенія своихъ духовныхъ чадъ. Употребляя обличенія, „мы, говоритъ І. Златоустъ, не за себя отмщаемъ, не гнѣву своему служимъ, а заботимся о вашемъ спасеніи“ [2]). И каждому пастырю онъ напоминаетъ: „обличай не съ гнѣвомъ, не съ ненавистью, не съ враждой, какъ бы врага,—все это должно быть оставлено; а какъ? Съ любовію, съ состраданіемъ, скорбя больше самого обличаемаго, душевно сожалѣя объ его положеніи“ [3]); „терпѣніемъ и настойчивостью, слезами и плачемъ можно привлечь и возстановить душу отчаянную“ [4]).

Кромѣ увѣщанія и обличенія средствомъ въ дѣлѣ врачеванія духовныхъ болѣзней въ рукахъ пастыря могутъ быть епитиміи [5]), которыя онъ, по власти духовнаго отца, можетъ налагать на людей, приходящихъ къ нему исповѣдывать грѣхи свои. Церковныя наказанія или епитиміи, Св. І. Златоустъ не считаетъ врачевствами сильными истребить корень грѣха, но они, по его мнѣнію, не безъ значенія для нравственно больного въ дѣлѣ его исправленія. Они служатъ напоминаніемъ о грѣхахъ и порокахъ, ихъ вызвавшихъ и, напоминая о нихъ, приводятъ грѣшника къ сознанію своего положенія и той опасности, какой подвергаетъ человѣка грѣховная

---

[1]) О свящ. 412. [2]) Бес. на разн. случ. II. 331.
[3]) Бес. на 2 Тим. 129. См. Бес. на р. м. Св. Пис. III. 415. Бес. къ ант. нар. 1. 261—262; Сл. на р. случаи П. 475, 526, 421—424 Письмо 251, 252, 105, 171, 226 и др. [4]) Бес. къ ант. нар. 1. 24. [5]) Бес. къ Рим. 335; Бес. Евр. 85.

страсть, и чрезъ то могутъ возбуждать волю къ борьбѣ съ грѣхомъ или страстію, овладѣвающею человѣкомъ. Кромѣ того, мудро направленное церковное наказаніе можетъ оказать противодѣйствіе грѣховной болѣзни, гнѣздящейся въ человѣкѣ. Такъ какъ цѣль епитиміи заключается не въ томъ, чтобы карать, а чтобы содѣйствовать нравственному исправленію согрѣшившаго" [1]), то „мѣру покаянія, говоритъ І. Златоустъ, надобно назначать не только по свойству грѣховъ, но и вмѣстѣ сообразуясь съ свойствомъ духа и состояніемъ самихъ грѣшниковъ" [2]).

Если въ дѣлѣ обличенія и строгаго вразумленія словомъ пастырю необходима осмотрительность и осторожность [3]), то тѣмъ болѣе этого требуетъ употребленіе церковныхъ наказаній и особенно такихъ *тяжелыхъ*, *какъ* „*отлученіе* отъ отчей трапезы". Строгія наказанія, по мысли І. Златоуста, можно употреблять только въ томъ случаѣ, когда „грѣшники", по снисхожденію священника къ слабостямъ человѣческимъ, „*не получая* достойнаго наказанія за грѣхи, приходятъ въ бóльшее небреженіе, становятся развращеннѣе и грѣшатъ съ бóльшею смѣлостью" [4]), какъ напр. явные „прелюбодѣи". Въ отношеніи же къ прочимъ грѣховнымъ членамъ своей паствы священникъ долженъ употреблять наказанія съ крайней осторожностію, чтобы излишнею строгостію не довести врачуемыхъ до отчаянія въ своемъ спасеніи, такъ какъ многіе изъ нихъ не могутъ переносить жестокаго врачеванія. „Нельзя просто по мѣрѣ поступковъ, говоритъ І. Златоустъ, налагать наказанія, но спрашивать на то согласія согрѣшившихъ, чтобы не сдѣлать разрыва еще больше, когда захочешь зашить разорванное; и чтобы съ желаніемъ поднять упавшаго, не увеличить паденія. Потому что люди слабые, а также большая часть людей, погруженныхъ въ мірскую роскошь, равно какъ и люди, гордящіеся своимъ происхожденіемъ и властію, если и не совсѣмъ, то хотя отчасти, могли бы освободиться отъ своихъ пороковъ, еслибы ихъ снисходительно и постепенно отвращали отъ того, въ чемъ они погрѣшили. Но если вдругъ прибѣгнутъ къ строгимъ мѣрамъ, теряется надежда и на малѣйшее исправленіе. Ибо душа, вынужденная вдругъ отбросить стыдъ, впадетъ въ нечувствительность, не слушается дружествен-

[1]) *Бес. на 2, Кор.* 347. [2]) Ibid. 108. [3]) О свящ. 409.
[4]) Бес. 1 Тим. 224. [5]) Бес. Галат. 15.

ныхъ словъ, не склоняется на угрозы, не располагается благодѣяніями, но становится хуже того города, который пророкъ порицаетъ словами: „лице жены блудницы бысть тебѣ, не хотѣла еси постыдитися ко всѣмъ“ (Iерем. 3, 3) [1].—Пастырь долженъ всегда помнить, что главный долгъ учителя, не тотчасъ наказывать, но исправлять, выжидать и быть медленнымъ въ наказаніяхъ [2]; если же является необходимость прибѣгать къ наказанію, то совершать это—съ прискорбіемъ отеческой любви. „Мы налагаемъ запрещенія, говоритъ Златоустъ, хотя сами скорбимъ болѣе васъ связуемыхъ“ [3]; „но когда бываемъ вынуждены, то простите—противъ собственной воли, и мы желали бы лучше употреблять свою власть на разрѣшеніе“ [4].

Время исповѣди—самое удобное для пастырскихъ увѣщаній и обличеній, но не единственное. Врачъ тѣлесный не идетъ къ больному, если его не позовутъ къ нему; но врачъ духовный въ этомъ отношеніи не долженъ подражать ему. Пастырь не врачъ только, но и „отецъ попечительный“. Какъ заботливый отецъ, онъ самъ будетъ искать страждущаго отъ тяжкой грѣховной болѣзни и являться къ нему безъ его зова, чтобы словомъ участія возстановить его изъ той бездны, куда влечетъ его грѣховная страсть, и предложить ему то или другое лекарство, какое укажутъ ему его опытность и пастырская любовь.

Своею взыскующею любовью пастырь не долженъ оставлять заблуждающагося изъ своей паствы послѣ одного или двухъ безуспѣшныхъ увѣщаній и вразумленій,—не долженъ предоставлять его самому себѣ и лишать его своихъ заботливыхъ попеченій, пока онъ состоитъ въ числѣ его пасомыхъ. Пастыря не должно смущать въ этомъ случаѣ представленіе того, что сколько ни говори, плода отъ этого не будетъ никакого. Дѣло пастыря насаждать и поливать, а возрастить это дѣло Господа. Въ примѣръ непрестающей заботливости о согрѣшающемъ, при всей безрезультатности вразумленій, св. I. Златоустъ представляетъ Самого Господа Iисуса Христа. Господь зналъ, что Iуда не отстанетъ отъ предательства, но не переставалъ до конца отвлекать его отъ этого совѣтами, увѣщаніями, угрозами, всякимъ способомъ ученія, и непрерывно останав-

---

[1]) О свящ. 409. [2]) Бес. на посл. 2 Кор. 429. [3]) Бес. на посл. Евр. 85 [4]) Ibid. 85.

ливалъ словомъ, какъ бы уздою. А это дѣлалъ Онъ, научая насъ, чтобы мы, если бы знали напередъ, что братія не убѣдятся, исполняли однакожъ все, что отъ насъ зависитъ, такъ какъ намъ за совѣтъ уготована награда... Если такое попеченіе о нехотѣвшемъ воспользоваться симъ вразумленіемъ употребилъ Тотъ, кто зналъ, что таковъ будетъ конецъ, то какого снисхожденія заслуживаемъ мы, когда, не зная исхода дѣла, бываемъ такъ безпечны о спасеніи ближнихъ, что оставляемъ ихъ послѣ перваго и втораго увѣщанія? Сверхъ сего сказаннаго подумаемъ и о томъ, что бываетъ съ нами самими, когда Богъ каждодневно вѣщаетъ къ намъ черезъ пророковъ, чрезъ апостоловъ, а мы каждодневно ослушаемся. И однакожъ онъ не перестаетъ всегда вѣщать и убѣждать непокорныхъ и невнимательныхъ... Ибо, если надобно сказать нѣчто и удивительное, достоинъ похвалы не столько тотъ, кто знавши напередъ, что принимающій увѣщанія, непремѣнно убѣдится, поэтому и преподавалъ совѣтъ, сколько тотъ, кто многократно говорилъ и совѣтовалъ, и не имѣлъ успѣха, и за всѣмъ тѣмъ однакожъ не переставалъ. Перваго, хотя-бы онъ былъ лѣнивѣйшій изъ всѣхъ, возбуждаетъ къ наставленію надежда, что слушатель убѣдится, а послѣдній, который постоянно убѣждаетъ и не видитъ успѣха, и, не смотря на это, не перестаетъ,—обнаруживаетъ въ себѣ самую пламенную и искреннюю любовь тѣмъ, что, хотя нисколько не питается подобною надеждею, однакожъ не оставляетъ попеченія о братѣ, единственно по благорасположенію къ нему“ [1]).

Если бы даже при увѣщаніи и обличеніи пастырь встрѣтилъ со стороны человѣка, вызывающаго его заботу и участіе, — не только полное невниманіе, но и оскорбленіе, если даже на слова любви и отеческой укоризны послѣдній отвѣчалъ бы словомъ грубости и обиды, попечительный пастырь не отвернется отъ такого больного, не будетъ довольствоваться тѣмъ, что сказалъ беззаконнику о его опасномъ положеніи, снялъ съ себя отвѣтственность за него, хотя и не видѣлъ его обращенія и улучшенія его состоянія [2]).

Важнымъ средствомъ въ дѣлѣ нравственнаго руководства пасомыми, кромѣ пастырскаго слова, является примѣрная жизнь

[1]) Бес, къ ант. народу 1. 24—29. [2]) Бес. на посл. Евр. 475.

самого пастыря. Практика жизни показываетъ, что добрый примѣръ иногда бываетъ назидательнѣе всякихъ словъ. Поэтому отъ пастыря церкви требуется, чтобы онъ примѣромъ собственной добродѣтельной и благочестивой жизни доказывалъ пасомымъ возможность исполненія всѣхъ заповѣдей Христовыхъ. Призываемые быть свѣтильниками ученія Христова пастыри должны и поступать во всемъ такъ, чтобы быть достойными этого великаго названія. „Жизнь пастыря—лучшее средство въ дѣлѣ нравственнаго руководства паствою", говоритъ І. Златоустъ [1])! „Вотъ достоинство учителя—назидать учениковъ собственными добродѣтелями" [2]). „Учитель долженъ учить не словами только, но и дѣлами: „иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ" (Мѳ. V, 19), и весьма справедливо—ибо любомудрствовать на словахъ весьма легко, а показать (любомудріе) на дѣлѣ—свойственно душѣ лишь доблестной и великой" [3]). „Ничто такъ не приводитъ къ истинѣ, какъ честная жизнь, потому что люди смотрятъ не столько на слова, сколько на дѣла наши... если торжествуетъ дѣло, то хотя бы за нимъ и не слѣдовало ученіе (слова), само дѣло можетъ внятнѣе слова научить смотрящихъ на насъ" [4]). Если въ области обычнаго воспитанія каждый педагогъ долженъ самъ, прежде всего, выполнять тѣ требованія, какія онъ предъявляетъ своимъ питомцамъ и никогда не допускать, чтобы слово его расходилось съ его поступками, то тѣмъ болѣе это требуется отъ пастыря церкви [5]). На наглядномъ примѣрѣ жизни пастыря пасомые могутъ, во первыхъ, убѣдиться въ практической возможности слѣдовать ученію Евангельскому, а, во вторыхъ, воспламеняться къ подраженію этому примѣру. При томъ же, живой примѣръ, всегда стоящій предъ ихъ глазами, постоянно будетъ начертывать предъ ними какъ бы образецъ, путь, по которому они должны достигать спасенія. „Научи прежде самого себя, говоритъ св. І. Златоустъ каждому пастырю церкви, когда научишься всему тому, что Господь заповѣдалъ тебѣ соблюдать, тогда ты пріобрѣтешь чрезъ это многихъ подражателей. Подобно тому, какъ свѣтильникъ, когда горитъ, можетъ возжечь отъ себя множество другихъ, а когда будетъ погашенъ, и для себя самого не будетъ источать свѣта, и

---

[1]) Бес. на р. м. Св. Писанія II, 398. [2]) Бес. на Дѣян. II, 248. [3]) Бес. на Ев. Іоан. 594. [4]) Бес. на кн. Бытія I, 124—125. [5]) Бес. на 2 Кор. 342.

не будетъ въ состояніи возжечь другихъ свѣтильниковъ: такъ и праведная жизнь, когда въ насъ пребывающій свѣтъ будетъ свѣтелъ, тогда мы, представляя въ себѣ другимъ (достойный подраженія) примѣръ, можемъ образовать (изъ нихъ) множество учениковъ и учителей. Ибо не столько могутъ слушателямъ доставить пользы слова, сколько наша жизнь" [1]).

Могучая дѣйственность примѣра обнаруживается и отрицательнымъ образомъ, путемъ вліянія дурныхъ примѣровъ, сила которыхъ, пожалуй, даже гораздо болѣе силы добрыхъ. „Кто изъ народа, говоритъ І. Златоустъ, пожелаетъ быть скромнымъ, видя начальника гнѣвнымъ" [2]). Тотъ пастырь, жизнь котораго идетъ въ разрѣзъ съ его призваніемъ, не можетъ расчитывать на добрые плоды своего служенія, даже въ томъ случаѣ, если онъ будетъ усерднымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Сила слова, которою захочетъ блеснуть пастырь, хотя бы и съ благою цѣлью подѣйствовать на волю слушателей, не будетъ имѣть надлежащаго дѣйствія по отношенію къ людямъ, знающимъ дурную жизнь пастыря. Трудно ему убѣдить слушателя, знающаго, что самъ онъ не убѣжденъ въ томъ, въ чемъ убѣждаетъ другихъ. Что скорѣе изберутъ для себя его слушатели: разглагольствованія-ли его, въ которыхъ онъ вооружается противъ ихъ пороковъ и страстей, или его поведеніе, потворствующее этимъ порокомъ и страстямъ? Что живѣе подѣйствуетъ на волю, уже расположенную къ злу: слова ли его, которыя говорятъ: „не дѣлайте того, что дѣлаю я", или его поступки, которые вопіютъ: „не придавайте значенія тому, что я говорю"? Такимъ образомъ, пастырь, можетъ быть, противъ своего желанія становится соблазномъ для своихъ пасомыхъ, за что Господь возвѣщаетъ ему „горе" (Мо. 18, 7). Откуда возметъ такой пастырь необходимую для него апостольскую ревность и смѣлость быть учителемъ нравственности! Если онъ проповѣдуетъ законъ, который самъ нарушаетъ, восхваляетъ добродѣтели, которыхъ самъ не имѣетъ, порицаетъ грѣхи, которые самъ дѣлаетъ, то слово его есть приговоръ, произносимый имъ надъ самимъ собою; и онъ, если еще не искусился въ лицемѣріи, если совѣсть его не огрубѣла, не можетъ говорить о добродѣтели, не краснѣя,— и о порокѣ,—не обвиняя самого себя. И со стороны пасомыхъ въ

[1]) Бес. на пос. 2 Сол. 82—83. [2]) О свящ. 425. [3]) Бес. на посл. Еф. 186.

отвѣтъ на свои увѣщанія и обличенія можетъ ожидать горькаго для себя слова: „врачу, исцѣлися самъ",—„что ты философствуешь, когда учишь словомъ; легко философствовать на словахъ; научи насъ жизнію своею, которая есть самая прекрасная проповѣдь" [1]).

Важное значеніе примѣрной жизни пастыря обусловливается еще и тѣмъ, что послѣдняя служитъ однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ привлеченія ко Христу людей, неисповѣдующихъ началъ христіанской религіи (язычниковъ, еретиковъ). І. Златоустъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что христіанство побѣдило міръ не мудростію человѣческою, но живою, дѣятельною вѣрою, величіемъ дѣлъ, предъ которымъ преклонился міръ. Поэтому добродѣтельная жизнь христіанскаго общества, среди котораго живутъ заблуждающіеся въ вѣрѣ и особенно строго христіанская жизнь пастырей, посвящающихъ себя дѣлу апостольства, есть, по мнѣнію Златоуста, самое лучшее оружіе, сокрушающее упорство заблуждающихся. „Почему нынѣ не всѣ вѣруютъ? спрашиваетъ І. Златоустъ. „Потому, что дѣла христіанъ не хороши" [2]). „Большинство заблуждающихся,—будутъ-ли они еретики или невѣрующіе,—не могутъ разумомъ убѣждаться въ истинѣ нашихъ религіозныхъ вѣрованій; но всякій самый простой человѣкъ въ состояніи судить о достоинствѣ нашихъ дѣлъ,—хороши-ли они, или худы,—и отъ дѣлъ нашихъ заключаетъ о достоинствѣ нашей вѣры. Мудрствованіе на словахъ, не оправдываемое любомудріемъ дѣлъ, неубѣдительно; и чтобы наша проповѣдь была успѣшна, мы должны заблуждающемуся сначала показать нашу жизнь, а потомъ научить словомъ. Жизнь сильнѣе словъ" [3]). Относительно обращенія къ вѣрѣ Христовой язычниковъ І. Златоустъ говоритъ: „упорство язычниковъ прежде словеснаго убѣжденія мы должны поражать жизнію. Поражать своею жизнію—значитъ доказывать неопровержимое. Сколько бы мы не любомудрствовали на словахъ, нѣтъ въ семъ пользы, если жизнь наша не превосходитъ жизни язычниковъ. На слова наши они не обращаютъ вниманія, но навѣдываются, что мы дѣлаемъ, и говорятъ: самъ прежде поступай по словамъ своимъ, а потомъ предлагай совѣты другимъ. Если проповѣдуешь о безчисленныхъ благахъ въ будущемъ вѣкѣ, а самъ такъ

---

[1]) Бес. на Дѣян. 1 нрав. [2]) Бес. на Ев. Мѳ. II,291—294. [3]) Бес. на пос. I Кор. I ч. 44—45.

привязанъ къ благамъ настоящимъ, какъ будто бы и не было благъ будущихъ, то дѣла твои убѣдительнѣе для меня словъ: и какъ повѣрю тебѣ, *что будетъ воскресеніе* мертвыхъ?—Язычникъ скажетъ тебѣ: почему мнѣ узнать, что заповѣданное Богомъ (въ Евангеліи) исполнимо? Вотъ, ты воспитанъ въ правилахъ этой прекрасной вѣры и не дѣлаешь ничего, требуемаго вѣрою. Скажешь, конечно; укажу тебѣ другихъ иноковъ, живущихъ въ пустыняхъ, которые исполняютъ все это. Язычникъ скажетъ: какая мнѣ нужда идти въ горы, ходить по пустынямъ. Если невозможно жить добродѣтельно, живя среди городовъ, то остается несомнѣннымъ, что заповѣди христіанскія неудобоисполнимы, хотя и побѣжимъ изъ городовъ въ пустыни“ [1]).

Когда же и мы покажемъ язычникамъ новую жизнь, говоритъ І. Златоустъ, сдѣлаемъ землю небомъ, то тѣмъ ясно докажемъ, какихъ благъ лишены они. Какъ скоро увидятъ они, что живемъ хорошо, то узрятъ въ этомъ царство небесное [2]). Приведенныя слова І. Златоуста имѣютъ отношеніе ко всѣмъ христіанамъ, но ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ они касаются пастыря, какъ представителя и выразителя христіанскихъ убѣжденій.—И въ другихъ своихъ бесѣдахъ [3]) св. І. Златоустъ часто раскрываетъ ту мысль, что слово пастыря можетъ убѣждать заблуждающихся,—знаменія и чудеса убѣдительнѣе слова, а „добродѣтельная жизнь пастыря убѣдительнѣе знаменій и чудесъ, въ особенности любовь христіанская“ [4]).

Въ виду важнаго значенія для пасомыхъ личности пастыря, послѣдній долженъ такъ устроять *свою жизнь*, чтобы пріобрѣсти себѣ право говорить со святою увѣренностью апостола: „подражатели мнѣ *бывайте*, какъ я Христу“. Въ жизни пастыря не должны имѣть мѣста дѣйствія и поступки, могущіе соблазнять его пасомыхъ. Въ этомъ случаѣ для него не можетъ служить извиненіемъ и то, что его поведеніемъ „соблазняются безразсудно“. „Немощь соблазняющихся недостаточна для нашего оправданія; она особенно и служитъ къ нашему осужденію. Ибо чѣмъ болѣе мы чисты отъ соблазнительнаго дѣла, тѣмъ болѣе намъ слѣдовало щадить немощ-

---

[1]) Бес. на пос. Рим. 624—626. [2]) Бес. на Еванг. Мѳ. 43. [3]) Ibid. Бес. на 1 Кор. 6 б. [4]) Бес. на 1 Кор., II, 221—223; Бес. на посл. Кол. 179.

пыхъ“ [1]). „Чѣмъ ты сильнѣе, тѣмъ справедливѣе бы было поддерживать тебѣ слабѣйшаго. Ибо сильному должно быть сильнымъ не только для себя, но и для другихъ... Ибо каждый изъ насъ отвѣтствуетъ за спасеніе ближняго. Посему намъ и заповѣдано не своего искать, но еже ближняго (1 Кор. 10, 24)“ [2]). Посему и Павелъ заповѣдалъ помогать всякому, хотя бы кто несправедливо соблазнялся, хотя бы по немощи [3]); и самъ поступалъ въ жизни сообразно съ этимъ правиломъ. Такъ, хотя „весьма безумно и безразсудно“ въ его время нѣкоторые соблазнялись ядѣніемъ мяса и питіемъ вина, однако ап. Павелъ, взирая только на одно, на спасеніе ближняго, даетъ обѣтъ не ѣсть мяса и не пить вина (Рим. 14, 21). И что я говорю, продолжаетъ І. Златоустъ, о немощныхъ братіяхъ? И объ іудеяхъ и язычникахъ онъ заповѣдуетъ оказывать такую же заботливость: „безпреткновени, говоритъ, бывайте іудеемъ и еллиномъ, и церкви Божіей (1 Кор. 10, 32)“ [4]).

Устраняя въ своей жизни все, что можетъ служить соблазномъ для пасомыхъ, заботясь о поддержаніи своего добраго имени, пастырь не долженъ пренебрегать даже ложными слухами, вредящими его доброму имени. „Нужно, говоритъ І. Златоустъ, въ самомъ началѣ пресѣкать худыя подозрѣнія, убѣждать обвинителей, и ничего не упускать къ уничтоженію недоброй славы“ [5]). „Предстоятель съ кротостью долженъ отвѣчать на всѣ обвиненія... Онъ долженъ дѣлать все, чтобы уничтожить подозрѣнія, хотя бы они были ложны, неразумны, весьма несообразны. Нужно не только останавливать молву, но издали прозрѣвать, истреблять причины, отъ которыхъ она можетъ зародиться, и не ожидать, пока она устроится и будетъ обращаться въ устахъ народа. Тогда не легко истребить ее, но весьма трудно, даже, можетъ быть, невозможно; при томъ, и не безвредно, потому что уже произойдетъ вредъ для народа“ [6]). Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить ап. Павелъ, который, заботясь о своемъ добромъ имени, хотѣлъ лучше умереть, нежели потерять доброе о себѣ мнѣніе: „добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ“ [7]). Если блаженный Павелъ, опасаясь со стороны учениковъ подозрѣнія въ хищеніи, допустилъ и другихъ къ распоряженію день-

---

[1]) Слов. на р. сл. II. 431. [2]) Ibid. 384. [3]) Ibid. 382.
[4]) Ibid. 382—383. [5]) О свящ. 467. [6]) Ibid. [7]) Сл. на р. сл. II, 431—432.

гами, „чтобы намъ, говоритъ онъ, не подвергнуться отъ сего нареканію при такомъ обиліи приношеній, ввѣряемыхъ нашему служенію (2 Кор. 8, 20): какъ же мы не должны дѣлать все, чтобы уничтожить худыя подозрѣнія“ [1])...

Какъ „посредникъ между Богомъ и людьми“, какъ „общій отецъ всѣхъ“ пастырь получаетъ дерзновеніе молиться за своихъ пасомыхъ у престола Божія, умилостивлять Бога за грѣхи всѣхъ, не только живыхъ, но и умершихъ [2]); поэтому его долгъ „помогать пасомымъ“ не только примѣромъ собственной жизни, „не только словомъ, но и молитвою“ [3]). „Молитва, говоритъ І. Златоустъ, есть оружіе великое, сокровище неоскудѣвающее, богатство никогда неистощимое, пристанище, незыблемое волнами, основаніе спокойствія; молитва есть корень, источникъ и мать безчисленныхъ благъ [4])... Молитва измѣняетъ человѣческія обстоятельства... И не удивительно, что сила молитвы можетъ измѣнять человѣческія обстоятельства, когда она легко погашаетъ и истребляетъ естество грѣховъ“ [5]). Но особенную силу получаетъ молитва въ устахъ пастыря. „Часто, говоритъ І. Златоустъ, когда облеченный діадемою страдаетъ горячкою, около него стоятъ врачи, военачальники, копьеносцы, служители; но ни искусство врачей, ни присутствіе друзей, ни услужливость рабовъ, ни множество лекарствъ, ни богатство, и ничто человѣческое не можетъ облегчить постигшей его болѣзни, а если войдетъ кто нибудь имѣющій дерзновеніе предъ Богомъ и вознесетъ о немъ чистую молитву, то вся болѣзнь исчезаетъ; такимъ образомъ, то, что не могли совершить богатство, искусство и величіе царской власти, то совершаетъ молитва“ [6]).

Проникнутый глубокой вѣрой въ силу и значеніе молитвы, св. І. Златоустъ и поставляетъ совершеніе молитвъ въ „особенный долгъ пастырю“ [7]). „Если Іовъ, говоритъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ св. І. Златоустъ, вставая отъ сна, тотчасъ совершаетъ столь обильныя молитвы о своихъ плотскихъ дѣтяхъ, то не тѣмъ-ли болѣе мы, т. е. пастыри, должны дѣлать сіе ради нашихъ духовныхъ

---

[1]) О свящ. 467—468. [2]) Ibid. 419. [3]) Бес. на посл. Рим. 713. [4]) Бес. на р. сл. 1. 446.
[5]) Ibid. 453. [6]) Бес. на р. сл. I, 446; ср. о свящ. 419. [7]) Бес. на 2 Кор. 43.

чадъ„ [1]). Молитва за народъ составляетъ преимущественную черту умнаго и добраго пастыря [2]),—молитва служитъ выраженіемъ его отеческой любви къ своимъ пасомымъ и нравственно объединяетъ его съ паствою (Іоан. XVII, 24—26). Убѣждая своихъ пасомыхъ молиться за него, св. І. Златоустъ здѣсь же говоритъ слѣдующее: „какое вы даете предпочтеніе нашему смиренію (предоставляя намъ только право) ходатайствовать предъ Богомъ за столько людей? Ибо, если я не имѣю дерзновенія молиться за себя, то тѣмъ болѣе за другихъ... Но такъ какъ я объемлю васъ отеческою любовію, такъ какъ любовь дерзаетъ на все, то я не только въ церкви, но и у себя дома, прежде всего, творю молитву о вашемъ душевномъ и тѣлесномъ здравіи. Ибо никакая другая молитва столько не приличествуетъ священнику, какъ та, въ которой онъ больше молится и ходатайствуетъ предъ Богомъ о благѣ народа, нежели о своемъ“ [3]).

Служа выраженіемъ отеческой любви, молитва пастыря располагаетъ и пасомыхъ молиться о своемъ пастырѣ, и этими взаимными молитвами и устанавливается между ними та духовная нравственная связь, которая служитъ залогомъ водворенія царства Божія на землѣ. И самъ св. І. Златоустъ видитъ во взаимныхъ молитвахъ пастыря и паствы тѣсныя узы любви, которыхъ никакая сила разорвать не можетъ. (Еф. III, 14—19 и VI, 18—20). Прося молитвы паствы за себя и указывая на свою молитву за паству, св. Златоустъ говоритъ: „соединимся поэтому другъ съ другомъ, свяжемъ себя взаимно узами любви, пусть ничто не разлучаетъ насъ“ [4]).

Важность пастырскаго долга совершать молитвы о пасомыхъ—требуетъ, чтобы пастырь исполнялъ его не иначе, какъ съ полнымъ благоговѣніемъ и чистотою какъ душевною, такъ и тѣлесною.

Поистинѣ, надобно стоять, по выраженію І. Златоуста „выше человѣческой природы и быть свободнымъ отъ слабостей человѣческихъ [5]), чтобы предстоять престолу Божію“. Потому-то св. І. Златоустъ, благоговѣя предъ служеніемъ пастырскимъ, требуетъ, чтобы священнодѣйствія, равно какъ и другія молитвословія церкви, особенно же литургію, священникъ совершалъ съ полнымъ благоговѣніемъ, понимаемомъ въ смыслѣ глубокаго смиренія, раствореннаго

---

[1]) Бес. на 2 Сол. 62. [2]) Бес. на посл. Рим. 7. 13. [3]) Бес. на 2 Сол. 62.
[4]) Ibid. 63. [5]) О свящ. 416.

чувствомъ св. вѣры, любви, всецѣлой преданности Богу, какъ Высочайшему Существу. Это чувство должно находить соотвѣтствующее себѣ и внѣшнее выраженіе—въ лицѣ, въ глазахъ, рѣчи и т. п. „Каковъ долженъ быть тотъ, вопрошаетъ великій вселенскій учитель, кто молится за цѣлый городъ, за всю вселенную и умилостивляетъ Бога за грѣхи всѣхъ, не только живущихъ, но и умершихъ? Для такой молитвы я не считаю достаточнымъ даже дерзновеніе Моисея и Иліи. Онъ (священникъ) такъ приступаетъ къ Богу, какъ будто ему ввѣренъ весь міръ, и онъ есть отецъ всѣхъ,—молитъ о прекращеніи повсюду войнъ, утишеніи мятежей, проситъ о мирѣ, плодородіи, скоромъ устраненіи всѣхъ тяготѣющихъ бѣдствій, частныхъ и общественныхъ. Онъ долженъ столько превосходить всѣхъ, за которыхъ проситъ, сколько защитникъ превосходитъ защищаемыхъ. А когда онъ призываетъ Св. Духа, совершаетъ страшную жертву и постоянно касается общаго всѣхъ Владыки, скажи мнѣ, гдѣ помѣстить его? Какой потребуетъ отъ него чистоты и благоговѣнія? Подумай, каковы должны быть руки, служащія этому, каковъ языкъ, произносящій эти слова! Не всего-ли чище и святѣе душа принимающаго этого Духа? Тогда ангелы предстоятъ священнику, весь чинъ небесный взываетъ и въ честь лежащаго наполняетъ мѣсто около престола“ [1]).

Какъ бы ни былъ усерденъ пастырь въ своей дѣятельности, съ какою опытностью и умѣньемъ не располагалъ бы всѣми средствами нравственнаго воздѣйствія на своихъ пасомыхъ, самъ собою, единичными силами, онъ не въ состояніи дѣлать все, что требуется и можетъ быть полезно для паствы. Это долженъ сознавать каждый пастырь, а потому въ дѣлѣ нравственнаго руководства пасомыми онъ долженъ привлекать сочувственныхъ и преданныхъ церкви лицъ (изъ среды своихъ же пасомыхъ) и чрезъ нихъ проводить въ жизнь то добро, которое онъ желалъ бы принести своей паствѣ, и для распространенія и насажденія котораго недостаточно единичныхъ его силъ. Вотъ, настроеніе пастыря, сознающаго всю трудность высокаго долга—нравственнаго руководства пасомыми. „Что успѣю сдѣлать я одинъ, говоритъ І. Златоустъ. Я не могу одинъ

---

[1]) О священствѣ.

каждодневно быть со всѣми вами, мнѣ не достаетъ силъ одному бесѣдовать съ такимъ множествомъ. Если же вы захотите принять участіе во временномъ спасеніи другъ друга и взять на себя каждый по одному изъ согрѣшившихъ братій: у насъ быстро пойдетъ дѣло назиданія" [1]). Такое привлеченіе къ участію въ дѣлѣ нравственнаго воздѣйствія на слабыхъ членовъ паствы согласно съ наставленіемъ Самого Пастыреначальника І. Христа (Мѳ. 18, 16) и освящено примѣромъ Его собственной дѣятельности (Мѳ. X, 1—8; Мр. III, 14—15; Лук. IX, 1—2). И св. І. Златоустъ глубоко сознавалъ всю силу и значеніе такого участія, а потому убѣждалъ сочувствующихъ лицъ (изъ среды своихъ пасомыхъ) со всею горячностью любви предаваться работамъ о спасеніи братій и не оставлять этого дѣла при видимыхъ неудачахъ [2]). „Не видишь-ли, говоритъ І. Златоустъ своимъ слушателямъ, какъ отцы, нерѣдко отчаявшись уже въ своихъ сыновьяхъ, садятся при нихъ, плачутъ, горюютъ, цѣлуютъ ихъ, дѣлаютъ все, что зависитъ отъ нихъ до послѣдняго издыханія. Это и ты дѣлай съ братомъ. Они плачемъ и слезами не могутъ ни прогнать болѣзнь, ни отклонить угрожающую смерть: а ты нерѣдко можешь, съ терпѣніемъ и настойчивостью, привлечь и возстановить слезами и плачемъ душу отчаянную" Ты совѣтовалъ и не убѣдилъ? Плачь и трогай его часто, чтобы онъ устыдившись твоей попечительности, обратился ко спасенію" [3]).

---

[1]) Бес. къ ант. нар. 1, 24. [2]) Ibid. 1, 24—25. [3]) Ibid.

IV.

Пастырскія скорби, ихъ значеніе и отношеніе къ нимъ пастыря.

Самъ пастырь—членъ царствія Божія; въ вѣчныя обители Отца небеснаго и ему надо стремиться, о своемъ нравственномъ совершенствѣ безъ конца заботиться. Какъ ему въ этомъ стремленіи содѣйствуетъ его пастырская дѣятельность?—Въ самой пастырской дѣятельности, направленной должнымъ образомъ, заключаются прямыя основанія къ тому, что у пастыря явится дерзновенная надежда быть вѣчнымъ наслѣдникомъ царства небеснаго.

Что представляетъ изъ себя жизнь самоотверженнаго пастыря? Не то, конечно, одно, что онъ самоотверженно заботится созидать спасеніе пасомыхъ,—не труды только, но—и главное—вѣчныя, непрестанныя скорби пастырства. „Подлинно, говоритъ І. Златоустъ, невозможно человѣку, идущему путемъ добродѣтели, быть безъ печали, сѣтованія, скорби, искушенія. Ибо какъ это возможно тому, кто идетъ путемъ тѣснымъ и скорбнымъ, тому, кто слышалъ: въ мірѣ скорбни будете (Іоан. 16, 33). Человѣку, который борется со зломъ, невозможно не испытать скорбей. Борцу невозможно предаваться нѣгѣ, воину въ сраженіи невозможно пиршествовать. Посему никто изъ находящихся въ борьбѣ пусть не ищетъ покоя, не предается наслажденію. Настоящее время есть время борьбы, сраженія, скорбей, воздыханій, есть поприще подвиговъ. Время покоя будетъ тамъ, а теперь время усилій и трудовъ. Никто, раздѣвшись и помазавшись для борьбы, не думаетъ о покоѣ. Если же ты желаешь покоя, то для чего и раздѣлся“ [1]). „Дѣло благовѣстника страдать отъ себя и отъ другихъ“ [2]).

---

[1]) Бес. на 2 Тим. 115. [2]) Ibid 131.

Эти скорби поистинѣ, непрестанныя. Пастырь скорбитъ не только о совершенно отпавшихъ отъ вѣры, но и еще болѣе о тѣхъ, которые слушаютъ своего пастыря,—но тотчасъ же соблазняются врагомъ Бога и людей,—которые съ радостію принимаютъ его совѣтъ, но при малѣйшихъ жизненныхъ неудачахъ, оставляютъ и забываютъ ихъ, которые искренно желаютъ своего исправленія, но за житейскими заботами забываютъ свое спасительное желаніе. А пастырь очевидецъ всего этого, на его же глазахъ происходятъ эти паденія, его же пасомые насмѣхаются надъ его заботами и надъ собственнымъ спасеніемъ. Онъ успѣлъ возродить нѣкоторыхъ словомъ истины, но здѣсь же видитъ, какъ эти возрожденные снова идутъ широкою дорогою, ведущею въ геену. Эти особенныя скорби пастырства—стóятъ всякихъ внѣшнихъ мукъ. Вотъ какъ самъ І. Златоустъ изображаетъ эти скорби, рисуя жизнь ап. Павла: „какъ жены, говоритъ онъ, испытавшія болѣзни рожденія и сдѣлавшіяся матерями, всегда бываютъ привязаны къ своимъ дѣтямъ, гдѣ бы они ни были: такъ или, еще болѣе, крѣпче ихъ и Павелъ всегда привязанъ былъ къ ученикамъ своимъ, и тѣмъ крѣпче, чѣмъ болѣзненнѣе духовное рожденіе плотскаго: ибо онъ былъ въ мукахъ рожденія не однажды для однихъ и тѣхъ же, а дважды и потому вопіялъ: „чадца моя, ими же паки болѣзную“ (Галат. 4, 19). Этого никогда не можетъ испытать жена, никогда не вытерпитъ она въ другой разъ тѣже муки рожденія; но Павелъ вытерпѣлъ то, чего нельзя видѣть въ природѣ,—онъ снова зачалъ тѣхъ, которыхъ уже разъ родилъ, снова вытерпѣлъ для нихъ муки рожденія..... Тѣ болѣзни (плотскаго рожденія) мучатъ одно мгновеніе, и прекращаются, коль скоро дитя выйдетъ изъ утробы матери: а эти не такъ,—напротивъ продолжаются по цѣлымъ мѣсяцамъ. Павелъ часто былъ по цѣлому году въ мукахъ рожденія, и не могъ родить зачатыхъ имъ. Тамъ трудъ плоти, а здѣсь болѣзни не чрево терзаютъ, а поражаютъ самую силу души... Паденія вѣрныхъ причиняли ему не малую скорбь, какъ и грѣхи еще неувѣровавшихъ; невыносимо тяжело было видѣть, какъ они (вѣрующіе) послѣ участія въ такихъ таинствахъ уклонялись въ нечестіе“ [1]. Самъ св. І. Златоустъ, испытавшій эти скорби пастырства, говоритъ: „знаете-ли муки духовнаго рожденія;—какъ испытавшій это

---

[1] Бес. къ Акт. народу II 277—278

рожденіе желалъ бы лучше расторгнуться на тысячу частей, нежели видѣть хотя одного изъ рожденныхъ погибающимъ и развращеннымъ“ [1]). „Я многихъ изъ васъ родилъ, но и послѣ этого страдаю муками рожденія. Плотскія матери прежде испытываютъ муки рожденія, а потомъ уже рождаютъ; а здѣсь даже до послѣдняго издыханія нашего терзаемся муками рожденія, опасаясь, чтобы и послѣ рожденія не оказался кто либо неблаговременно родившимся“ [2]). Это уподобленіе дѣла пастырскаго служенія плотскому рожденію, взятое изъ Св. Писанія (Iер. IV. 19, XXIII, 9—11; Іоан. VI, 20—21; I Кор., IV, 15; Галат. IV, 19 и др.) и такъ наглядно изъясненное I. Златоустомъ, ясно указываетъ, какія невыносимо горькія скорби приходится переносить пастырю въ его дѣятельности.

„Аще отъ міра бысте были, говоритъ Пастыреначальникъ I. Христосъ въ прощальной рѣчи своимъ ученикамъ, міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ“ (Іоан. XV, 19). Міръ, понимаемый въ томъ смыслѣ, какой соединялъ съ этимъ словомъ Господь I. Христосъ, со всѣми своими соблазнами, существуетъ и для каждаго пастыря, какъ продолжателя дѣла Христова. Отношеніе пастыря къ міру, или, лучше отношеніе міра къ пастырю создаетъ для него новый источникъ скорбей. Пастырь нерѣдко даже со стороны своихъ пасомыхъ встрѣчаетъ недовѣріе, не любовь и даже ненависть. „У пастыря, говоритъ св. I. Златоустъ, всегда много недоброжелателей.... Душа его ни чѣмъ не разнится отъ корабля, обуреваемаго волнами; со всѣхъ сторонъ она уязвляется и отъ враговъ, и отъ друзей“.... Злоба человѣческая всегда находитъ средство обвинять самаго невиннаго; по отношенію же къ пастырю, какъ служителю любви и истины,—она бываетъ особенно придирчива. Она вмѣняетъ ему въ вину то, что другимъ совершенно прощаетъ, и чѣмъ иные готовы хвалиться какъ подвигомъ. „Священникъ, говоритъ св. I. Златоустъ, подлежитъ суду всѣхъ—и умныхъ, и неразумныхъ“ [3]).... Не думай, что бы ему было сдѣлано снисхожденіе, какъ человѣку, носящему плоть, имущему бренную природу. Нѣтъ! Его судятъ—какъ ангела, непричастнаго

---

[1]) Бес. на Дѣян. II 257.
[2]) Бес. на 2 Солун. 66.
[3]) Бес. на Дѣян. I ч. 63.

слабостямъ человѣческимъ [1]). Другимъ, когда они гнѣваются, прощаютъ, а ему никогда; другимъ, если они согрѣшаютъ, извиняютъ охотно, а его нѣтъ. Сколько завистливыхъ и недоброжелательныхъ глазъ слѣдятъ за каждымъ шагомъ священника [2]). Разсердится-ли онъ, посмѣется-ли, захочетъ-ли дать себѣ отдыхъ сномъ, является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много законодателей, много такихъ, которые припоминаютъ прежнихъ и осуждаютъ настоящаго; это дѣлается не потому, что хотятъ похвалить тѣхъ,—нѣтъ,—вспоминаютъ о прежнихъ епископахъ и пресвитерахъ только для того, чтобы уязвить этого [3]). „Если пастырь не способенъ говорить краснорѣчиво, то бываетъ ропотъ; если способенъ говорить, то опять начинаются порицанія: онъ, говорятъ, тщеславенъ. Если онъ не воскреситъ мертвыхъ, то, говорятъ, онъ не заслуживаетъ никакого вниманія,—такой-то благочестивъ, а онъ нѣтъ! [4]). И мстить пастырь не можетъ, потому что порицающій его есть собственная утроба. Какъ утробѣ своей, хотя бы она распухла и причиняла боль головѣ и всему тѣлу, мы не рѣшаемся мстить, ибо не беремъ меча и не разсѣкаемъ ея, такъ и подчиненному, который поступаетъ такимъ образомъ, причиняетъ намъ безпокойства и огорченія, мы не можемъ мстить; это чуждо отеческой душѣ, которая по необходимости должна переносить огорченія“ [5]).

Чтобы переносить всѣ скорби пастырскаго дѣланія „нужна особенная крѣпость духа“ [6]).—Гдѣ же пастырь найдетъ средства къ тому, чтобы поддерживать въ себѣ эту „крѣпость духа“?

Какъ носитель христіанскаго міровоззрѣнія пастырь можетъ и долженъ находить для себя утѣшеніе въ скорбяхъ, прежде всего, „въ возвышенномъ христіанско-философскомъ взглядѣ на значеніе и смыслъ постигающихъ людей скорбей и бѣдствій“ [7]).

„Кто проводитъ жизнь среди скорбей и испытаній и ходитъ тѣснымъ путемъ, тотъ близокъ ко Христу, такъ какъ и Самъ Онъ шествовалъ этимъ же путемъ (Мѳ. 8—20)“ [8]). Скорбями и искушеніями обусловливается нравственный ростъ человѣка: „ничто такъ не прогоняетъ безпечности и разсѣянности, какъ скорбь и печаль; онѣ со всѣхъ сторонъ сосредоточиваютъ душу и обращаютъ ее къ самой себѣ“ [9]). Что бываетъ съ золотомъ, прошедшимъ

[1]) О свящ. 427. [2]) См. О свящ. 436. [3]) Бес. на Дѣян. 63—67. [4]) На пос. Титу 16.
[5]) Ibid 15. [6]) Бес. на I Тимоѳ. 222. [7]) Письма 71—72. [8]) Бес на 2 Кор. 15.
[9]) См. Бес. на р. случ. I 447.

многократно чрезъ огонь, тоже самое обыкновенно бываетъ и съ душами подъ вліяніемъ испытаній. Вещество золота, пробывъ въ огнѣ столько времени, сколько нужно по требованію техники, становится отъ дѣйствія его гораздо чище и блистательнѣе; и душа человѣческая, пройдя горнило непрерывныхъ испытаній, дѣлается чище и совершеннѣе [1]). „Среди испытаній процвѣли праведники; всѣ черезъ искушеніе сдѣлались славными и удостоились великихъ вѣнцовъ. Ибо тогда душа и очищается, когда терпитъ скорби ради Бога“ [2]). „И всѣхъ святыхъ Богъ велъ симъ путемъ, путемъ скорбей, тѣсноты, какъ для ихъ собственной пользы, такъ и для безопасности другихъ, чтобы не думали о себѣ выше своего достоинства“ [3]). „Вспомните, сколько терпѣли блаженные апостолы, говоритъ І. Златоустъ въ утѣшеніе „пресвитерамъ, проповѣдующимъ въ Финикіи вѣру язычникамъ“; все время своей проповѣди они провели среди искушеній, опасностей и козней, томясь въ темницахъ, узахъ, въ ссылкахъ, изнемогая отъ бичеваній, отъ голода, недостатка въ одеждѣ... Подкрѣпляя себя этимъ и подобными размышленіями, держитесь твердо, не поддаваясь обольщеніямъ, ожидая исполненія нашей надежды на Бога и Божіей помощи, противъ которой все безсильно“ [4]).

Итакъ, на свои скорби и искушенія пастырь долженъ смотрѣть, какъ на особенныя дѣйствія Промысла Божія, направленныя къ его же нравственному усовершенствованію, духовному возрастанію.

Но не въ этомъ только весь смыслъ и значеніе пастырскихъ скорбей. По скольку пастырь несетъ скорби и лишенія за дѣло Христово, постольку онъ скорбями своего пастырства является участникомъ страданій Христовыхъ (Филип. I. 19—20; I. Петр VI—12—13; Рим. V. 8—5), а слѣдовательно и славы Христа. Поэтому, „чтобы пріять за Христа безчестіе“ и узы, этого нужно сподобиться. „Это, по словамъ І. Златоуста, дѣло благодати“ [5]). Если „нѣтъ, какъ говоритъ І. Златоустъ, лучшаго подвига, какъ попеченіе и заботы о пасомыхъ“ [6]), то нѣтъ и лучшихъ скорбей страданій, какъ страданія за дѣло Христово.

---

[1]) Письма 120. [2]) Бес. на 2 Кор. 524. [3]) Бес. на 2 Кор. 524. [4]) Письма 148. [5]) Бес. на пос. Кол. 196. [6]) Сл. и бес. на р. случаи I. 460.

Пастырскія скорби,—какъ духовное умираніе пастыря,—доставляютъ жизнь не ему только, но и паствѣ. Въ своихъ скорбяхъ и лишеніяхъ пастыри являются духовными героями; здѣсь то особенно и обнаруживается богатство ихъ нравственной силы, и послѣднее не можетъ остаться безъ добраго вліянія на пасомыхъ. Страданія и „смерть мучениковъ, а такими и являются скорбно подвизающіеся пастыри [1]), есть, по словамъ І. Златоуста, наставленіе вѣрныхъ, дерзновеніе церкви, утвержденіе христіанства... ученіе любомудрія, внушеніе презрѣнія къ благамъ настоящимъ и путь стремленія къ будущимъ, утѣшеніе въ постигающихъ бѣдствіяхъ, побужденіе къ терпѣнію, руководство къ мужеству, корень „и источникъ, и мать всѣхъ благъ“ [2]).

Въ виду такого значенія пастырскихъ скорбей онѣ должны быть радостны для пастыря. „Не будемъ досадовать на оскорбленія, которыя намъ приходится терпѣть ради Христа [3]), говоритъ, св. І. Златоустъ; „чѣмъ сильнѣе буря; тѣмъ больше прибыли, тѣмъ блистательнѣе вѣнцы за терпѣніе, тѣмъ выше награда. Поэтому надо радоваться и торжествовать; такъ, по крайней мѣрѣ, поступалъ въ подобныхъ случаяхъ блаженный Павелъ, говоря, напримѣръ: не точію же, но и хвалимся въ скорбѣхъ (Рим. 5, 9), или въ другомъ мѣстѣ: радуюся въ страданіяхъ моихъ „(Колос. I; 14) [4])“. „Ты убо злопостражди, говоритъ въ другомъ мѣстѣ І. Златоустъ, яко добръ воинъ Христовъ. О, какая честь быть воиномъ Христовымъ! Вспомни сколь важнымъ считается—находиться подъ начальствомъ земныхъ царей. Если же царскому воину свойственно переносить страданія, то не переносить страданій недостойно воина (Христова).

Посему не должно скорбѣть, если терпишь страданія, но слѣдуетъ скорбѣть, если не терпишь ихъ.

Самъ святой І. Златоустъ, изображая скорби пастырскаго дѣланія, радуется подобно апостоламъ (Дѣян. 5, 41) этимъ скорбямъ и своему служенію, которое производитъ эти скорби. „Не смотря на эти скорби, я сильно желаю переносить ихъ“.... Нѣтъ для насъ ничего пріятнѣе этихъ скорбей [5]). Радуюсь, что я преданъ такому служенію и никогда не желаю освободиться отъ этого раб-

---

[1]) Бес. на р. случаи І. 63. [2]) Ibid 76. [3]) Бес. на пос. къ Кол. 196.
[4]) Письма 111—112. [5]) Бес. 2 Солун. 65—66.

ства, ибо это служеніе для меня прекраснѣе свободы“ [1]). Такое идеально-пастырское настроеніе, основанное на глубокомъ пониманіи смысла и значенія пастырскихъ скорбей, сохранялъ св. І. Златоустъ не только при видѣ скорбей и лишеній, но даже самой смерти. „Дѣти мои, говоритъ І. Златоустъ предъ отправленіемъ въ ссылку, меня намѣреваются убить? Но что мнѣ бояться смерти? Мнѣ еже умрети пріобрѣтеніе есть. (Фил. 1, 24). Пошлютъ въ ссылку? Но Господня земля и исполненіе ея (Пс. 23, 1). Отнимутъ у меня имущество? Но ничто же внесохъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ (I Тим. 6, 7.) [2]). Кто хочетъ, пусть поражаетъ меня, кто хочетъ пусть побиваетъ меня камнями,—злоумышленія служатъ для меня залогомъ вѣнцовъ и число ранъ—числомъ наградъ [3]).

Итакъ, служеніе пастырское полно трудовъ, лишеній и скорбей, но, благодаря этимъ трудамъ и лишеніямъ, для пастыря открываются и высшія духовныя радости. Право совершающій свое служеніе, пастырь возрождаетъ своихъ пасомыхъ въ духовную благодатную жизнь, дѣлаетъ ихъ участниками вѣчнаго блаженства, и самъ, какъ скорбно подвизавшійся добрымъ подвигомъ (2 Тим. IV, 6.), оканчиваетъ дѣло своего служенія съ дерзновенною, радостною надеждою—стать въ послѣдній день одесную Судіи съ своими духовными чадами (Евр. II, 13) и получить отъ Пастыреначальника неувѣдающій вѣнецъ славы (I Петр. V, 4).

---

[1]) См. бес. на раз. случаи II 519.
[2]) Бес. на раз. случаи II 597. [3]) Ibid 474.